

Военные
Приключения

ЛОКАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

Военные приключения

Александр Марков

Локальный конфликт

«ВЕЧЕ»

2012

Марков А. В.

Локальный конфликт / А. В. Марков — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

Если бы дотошный егерь Топорков не заметил далеко в горах проблеска света, жизнь героев этой книги могла сложиться по-другому... Но что произошло, то произошло, и завязались тугим узлом судьбы капитана Кондратьева, полевого командира Алазаева, журналиста Плошкина и многих других людей, участвующих в войне, которую стыдливо именуют «локальным конфликтом».

Содержание

Локальный конфликт	6
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Марков

Локальный конфликт

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Локальный конфликт

Часть 1

Глава 1

Водителю отчего-то постоянно хотелось выбраться из колеи, словно здесь ему было неуютно. Но до него по ней прошел уже не один десяток машин, а значит, если боевики и оставили здесь мины, они давно уже обезврежены. Обочина была пустой. Ее не украшали остовы обгоревших машин. Похоже, никто на этой дороге не подрывался.

Ночью боевики могли прятаться вдоль нее, поджидать колонны, а заслышав гул двигателей, поставить в колею фугас и, слегка засыпав его снегом, отойти на безопасное расстояние и затаиться – прямо как мальчишки, которые, положив на рельс огромный гвоздь, гадают, что же получится, когда на него наедет поезд. Но поезду с рельсов не уйти, а водитель БМП мог выбирать свой путь, так что, когда у него возникали хоть какие-то сомнения, он объезжал подозрительный ему участок дороги.

Если бы не эта колея – они давно бы сбились с дороги и заблудились в темноте.

БМП вздрагивала, переваливаясь со стороны на сторону, похожая на клоуна, с его знаменитой утиной походкой. Ее броню, словно мухи тарелку с вареньем, облепили егеря в масках-халатах, да так густо, что за их телами невозможно разглядеть, какой краской выкрашена бронемашина. Белой, наверное. Их тела прикрывали броню, как своеобразная активная защита. Пулям и осколкам будет тяжело до нее добраться.

Больше всего они напоминали бездомных нищих, которые, пережидая ночь на улице, сгрудились возле вентиляционной шахты. Вместо шахты – решетка над двигателем, из-под нее била слабая струя теплого воздуха. Его теплом мог согреться лишь тот, кто сидел на решетке. Она располагалась почти сразу за башней. Броня здесь была ровной, чуть шершавой – можно спокойно заснуть, не боясь скатиться во сне под гусеницы. К тому же со всех сторон подпирают тела товарищей, прижавшихся друг к другу, сберегая капли тепла. Тепло все равно терялось. Они уже сейчас представляли довольно жалкое зрелище. Лучше не думать о том, во что они превратятся через час, когда наконец-то доберутся до базы. Нет, право же, место за башней было на броне самым удобным и безопасным, защищенным почти со всех сторон. Только – ничего до самых небес. На таком механизированном троне восседать богдыхану, повелевающему несметными толпами... У человека, который занимал его, под началом несметных толп не было, его подчиненных можно пересчитать по пальцам, и добился он всего четырех маленьких звездочек на погоне, хотя командование обещало ему, что вскоре эти звездочки сольются в одну большую.

В глазах у капитана Николая Кондратьева застыли печаль и усталость. Кожа на лице обветрилась, начала шелушиться. Он не раз в такие вот минуты порывался послать все к черту, вытребовать отпуск, да приплюсовать к нему отгулы, причитающиеся за сверхурочные, уехать куда-нибудь в глушь, не в Саратов, а подальше, чтобы отдохнуть, благо отпускных ему набегало месяца четыре, а потом... потом... он никуда не уедет отсюда.

Рыжие волосы на его макушке стали редеть, сквозь короткую прическу просвечивала лысина. Он прикрывал ее вязаной шапочкой, а поверх нее носил еще и каску. Борода росла погуще, тоже рыжая с медным отливом, колючая и жесткая, как проволока, ее крошечные кусочки имплантировали на щеки и подбородок. Об нее приятно чесать руки, как об ершик, но проволока эта каждый день становилась все длиннее.

Егеря заснули, им грезилось, будто кусок земли, на котором они сидели, оторвался вместе с вентиляционной шахтой, его унесло течением, и теперь они оказались посредине снежного океана. Спрыгнешь в снег – утонешь. Остается ждать, когда их прибьет к берегу.

Холод брони постепенно просачивался сквозь ткань комбинезонов, добирался до кожи. Кожа становилась твердой и бесчувственной до такой степени, что уже не ощущала холод. Не заметишь, как заработаешь себе простуду, ревматизм или какое-нибудь воспалительное заболевание мочепускающих каналов, а чтобы излечиться от этих напастей, придется потратить на лекарства все премиальные, заработанные в Истабанае...

Если снять перчатку и дотронуться до брони ладонью, она прилипнет, точно металл смазан хорошим, еще не засохшим клеем, а растворителем для него служило только тепло, и пока БМП не заедет в ангар, егеря могли бы не бояться, что свалятся с нее. Но клей почему-то действовал избирательно и не приклеивал к броне комбинезоны.

Ночь набросила на них полупрозрачное покрывало, сквозь которое едва проступали очертания гор. Снег от лунного света искрился на вершинах и склонах, будто их усыпали сахаром, битым стеклом или осколками Луны, которая треснула, после того как в нее ударились несколько космических кораблей. От нее отвалились огромные куски и либо рухнули на Землю, либо стали ее спутниками. Хорошо еще, что люди вовремя остановились и перестали посылать на Луну свои экспедиции – и так от нее осталась едва ли половина. Уж не от стыда ли она старалась спрятаться за облаками?

Где-то слева от дороги лежало селение Юлай-юрт – еще более далекое, чем Луна, потому что ее хоть иногда было видно, а селение растворилось в темноте. Его вообще могло там не оказаться. Возможно, на его месте давно уже образовался в земле похожий на незаживший рубец провал, куда свалились все дома вместе с жителями. Проверять, верна ли эта догадка, никому в голову не приходило. Из-за того что бронемашинато и дело вздрагивала, егеря не могли почувствовать подземных толчков, а все звуки заглушало разносившееся на многие километры вокруг тарыхтение двигателя, поэтому они не могли слышать, как дышит земля.

Морозный воздух обжигал кожу на лице. Хотелось, прижавшись к броне, втянуть голову в плечи, словно макушкой можно задеть небеса, а они окажутся твердыми, как камень, и ты обязательно набьешь себе шишку.

Если все же попробовать забраться внутрь БМП, то там станет так же тесно, как килькам в консервной банке – не то что совсем не повернешься, но дышать будет трудно. Впрочем, умереть от удушья – это не самое страшное. Куда менее приятная перспектива – свариться в собственном соку, если в машину попадет граната или под ней рванет противотанковая мина. Лучше получить контузию, осколок или пулю. Тогда хоть есть надежда выжить.

Теоретически от всяческих неожиданностей они были застрахованы. Метрах в ста над ними летела «стрекоза». Управляющий ею пилот с приходом ночи переключился на инфракрасное сканирование. Только так он мог хоть что-то увидеть. Именно пилот «стрекозы» двумя часами ранее, когда небо было еще серым, обнаружил выходившую на дорогу неподалеку от бронемашин группу людей в белом камуфляже. Но они предупредили о своем появлении тремя зелеными ракетами. Егеря, возвращающиеся с задания. Не будь этого сигнала, водитель БМП, увидев их, вряд ли стал бы терять время на выяснения – вцепил бы по ним из пулемета, не раздумывая. Он хорошо усвоил принцип американских полицейских – чуть что, стреляй, разбираться будешь потом. Когда водитель подъехал к егерям поближе, остановился, чтобы разглядеть их. Странные они были, и казались призраками. У одного на голове был мешок. Остальные сейчас стаскивали его. Сжалились, наверное, дали немного подышать воздухом, не смешанным с пылью, скопившейся в мешке, и не отфильтрованным мешковиной. Но руки пленника так и остались скованы наручниками. На левой стороне его лица расплылся фиолетовый подтек. Глянув на него, водитель обомлел и на несколько секунд потерял дар речи.

– У-у, – протянул он зачарованно, – Зарахав.

– Вот и я говорю, что он, но некоторые сомневаются, – усмехнулся один из егерей. У него были капитанские нашивки на рукавах.

– Не-е, точно он. Откуда вы его взяли?

– Он, бедный, заблудился, не знал, куда идти, плакал от страха, и тут мы случайно на него набрали, пришлось брать с собой. Время-то знаешь какое – опасное. Пропадет он один, бедолага, – капитан, изменив тон со снисходительного на серьезный, резко закончил: – Нам надо побыстрее доставить его куда следует.

– В зоопарк, что ли?

– Шутник, – улыбнулся капитан, – правильно догадался. Очень редкой породы зверь. В природе почти вымер. В зоопарке от посетителей отбоя не будет.

Пленник понимал речь, но злился молча, боясь сказать что-нибудь в ответ, видимо, хорошо уже знал, что за этим может последовать.

– Машина у меня старая. Постоянно ломается. Из-за этого и в дороге подзадержались, – сказал водитель.

– Ну, милый, какая есть. Поехали.

– Поехали. Вот только мест в салоне на всех нет. Десантники там у меня.

– Ну, хоть бедолагу-то нашего приютите? – капитан кивнул на пленного.

– Думаю, да.

– И на том спасибо. Только смотрите, не придавите в темноте. Эй, десант, слышите меня, – заговорил погромче капитан, – я бы его и сам придавил, но очень с ним хочет поговорить руководство.

– Хорошо. Хорошо, – послышалось из трюма машины. – Поехали побыстрее.

– А мы как-нибудь на броне ночь коротать будем. Не в обиде. Лучше сидеть на броне, чем топтать к базе пешком.

Война в Истабанах перешла в партизанскую стадию. В таком виде она могла продолжаться не месяцами, а десятилетиями. Опыт такой известен еще с XIX века. С той поры изменилось только вооружение враждующих сторон. Боевиков осталось немного, но никто не питал надежд на то, что они побросают оружие, вернуться к мирной жизни, станут обрабатывать давно заброшенные поля, которые за последние годы пахала разве что артиллерия.

На левом крыле бронемашинки виднелась вмятина. Ее немного выпрямили, чтобы она не задевала гусеницу, да заменили поврежденный взрывом каток и траки. К счастью, никто тогда на броне не сидел. Тем взрывом немного оглушило экипаж и водителя. Его голову сейчас плотно облегал шлем. Водитель мог услышать лишь переговоры по радиации, а проклятия, которыми осыпали его сослуживцы, доставались ветру...

Веки липли одна к другой. Как только глаза закрывались, тут же сон подбрасывал в сознание точно такие же картинки, которые должны были видеть глаза: ночь, звезды, дорогу, снег. Но как только Кондратьеву казалось, что теперь пришло время подбросить в сознание что-то отвлеченное, водитель наезжал на очередную кочку и все просыпались.

Так они ехали минут двадцать.

Двигатель взвыл. Из выхлопной трубы вырвалось слишком большое облако отработанных газов, оставив позади БМП нечто напоминающее дымовую завесу. Ветер тут же погнал ее обратно и накрыл едким газом егерей. Те зажали рты ладонями не очень расторопно и успели наглотаться этой гадости. Но это была последняя вспышка жизнедеятельности двигателя, после которой он, очевидно, растратив слишком много сил, заглох. В недрах БМП еще несколько секунд работали какие-то механизмы, издавая звук, очень напоминающий тот, что получается, когда водишь ершиком по металлической трубе. Вскоре и они затихли. Чуть раньше БМП остановилась, совсем как упрямый ослик, который расхотел отчего-то идти дальше. Что же показать ей, чтобы она опять пошла? Не морковку же. Может, канистру с дизельным топливом?

Еще какое-то время егеря оставались на броне. Им забыли объявить, что поезд дальше не идет и надо его освободить. Лишь когда из люка выбрался водитель, скатился по броне и стал внимательно оглядывать машину, будто диковинку, которую никогда прежде не видел, они, чертыхаясь, стали слезать с насиженных мест, прыгали в снег, проваливаясь почти по колено. Их было семь. Ботинки еще не промокали, но ногам сразу же становилось зябко и неприятно. Люди слишком рано поверили в то, через час доберутся до базы, где их ждут горячая еда и постели. Размечтались. Всегда нужно готовиться к худшему варианту развития событий. Тогда любой другой исход может показаться удачным.

– Что у тебя стряслось? – лениво спросил у водителя капитан Кондратьев, возглавлявший отряд егерей и оказавшийся в этой группе, которая помимо егерей состояла еще и из пяти десантников, самым старшим по званию. Если, конечно, не брать в расчет пленного, носившего в армии сепаратистов звание полковника.

– Не знаю. Говорил я, что машина старая. Почти двадцать лет. Постоянно что-то летит.

Водитель мог добавить еще и то, что запчасти для такой старой машины достать трудно. В основном их приходится снимать со списанной техники, а состояние этих деталей тоже далеко от идеального. Они очень быстро изнашиваются. Чтобы запастись ими в избытке, наверное, надо совершить налет на музей. Ближайший из них находился в соседней губернии.

В голосе водителя не было ни злости, ни причитаний. Он с грустью стал подумывать о том, что ему, возможно, не удастся своими силами исправить поломку и тогда придется связываться с базой, ждать, пока оттуда придет ремонтная мастерская, привезет сломавшуюся деталь или, в худшем случае, возьмет БМП на буксир и поволочет за собой. Это значит, что им еще как минимум два-три часа придется побыть на морозе, а у многих и без того зуб на зуб уже попадал не всегда. Они окоченели. Не дай бог придется рыть окопы и прочие фортификационные сооружения, чтобы переночевать в относительной безопасности.

Вгрызаться в твердую землю, похожую на ту, что лежит в зонах вечной мерзлоты простыми саперскими лопатками – работа трудная и непроизводительная. Лопатки обязательно вскоре затупятся. Небольшую ямку дай бог выроешь к утру, когда необходимость в укрытиях отпадет. Вот подрывать землю гранатами – более прогрессивный метод. Жаль только, что он очень шумный.

Можно пойти искать селение Юлай-юрт и попроситься на ночлег у местных жителей. Но те пугливы и неприветливы. Услышав, что кто-то бродит за оградой, с хлебом-солью встречать на порог не выйдут, а скорее организуют прием при помощи салюта из всех имеющихся в арсенале видов оружия. Обычно в таких домах не обходятся гладкоствольными ружьями, место которым в историческом или краеведческом музее. Припрятывают что-то более существенное.

– Плохо ты за машиной следишь, – у егеря было добродушное лицо; маленький и подвижный, он отчего-то наводил на ассоциацию с каким-то юрким насекомым, которое все никак не удастся прихлопнуть тапкой. – У меня дома «мерседес». Ему тоже двадцать лет. Он меня не подводит.

– Ты, наверное, его холишь и лелеешь, держишь в теплом гараже и в сроки загоняешь в автосалон. ТО делаешь? – егеря не представлялись водителю. Он не знал, как их зовут.

– Конечно. Как же иначе? Я же не хочу застрять на дороге в самый неподходящий момент.

– А в Россию когда пригнали твой «мерседес»?

Егерь задумался. На лбу у него от трудных размышлений наморщилась кожа, а губы стали шептать какие-то цифры.

– Шесть лет и четыре месяца, – наконец произнес егерь.

– Ну вот видишь. Всего-то шесть лет и четыре месяца, – с издевкой сказал водитель, – а до этого твой «мерседес» по чистым и ухоженным автобанам катался. Там он и до пенсионного возраста без проблем дожил бы. Да не до собачей пенсии, когда год – за шесть, а до человеческой. Представляешь, купил себе машину к совершеннолетию и катайся на ней всю жизнь. Иногда

подмажешь там, подделаешь что-то, резину еще поменяешь по сезону. Вот и всех забот, – он сделал небольшую паузу, потом резко продолжил: – А БМП эту эксплуатировали и в хвост и в гриву, не особенно заботясь, сколько она протянет. Она давно уже должна была сдохнуть, как загнанная лошадь. Да ты знаешь, что она в Афгане уже духов молотила, когда ты еще в пеленки писался. Подгузников тогда еще не было. Писался?

– Откуда я помню, – пробурчал егерь.

– Писался, писался. Не увиливай.

– Может быть, но с арифметикой у тебя плохо. Мне двадцать семь. Следовательно, когда эта БМП только вышла за ворота завода, мне уже было семь, а я, извини, пеленок тогда уже не носил – в штанишках бегал.

– В коротких?

– Летом – в коротких, – егерь начинал сердиться.

– Ладно, не обижайся, – сказал водитель, – могу подкинуть интересное занятие. Когда уйдешь на покой, можешь проследить ее боевой путь, – он кивнул на БМП, – поверь мне, узнаешь очень занимательную историю. Если бы она все это время простояла в смазке законсервированной на складе, тогда конечно ты мог бы возмущаться, а так... Да любая машина давно накрылась бы при таких нагрузках.

– Сдаюсь, – примирительно сказал егерь. – Тебе помощь нужна?

– Нет. Сам справлюсь, – сказал водитель.

– Голубев, ты в очередной раз меня убеждаешь в том, что худая голова языку покоя не дает, – сказал капитан Кондратьев своему подчиненному, когда ему надоело, что водитель тратит время не на исправление, а на перепалку с егерем. – Не мешай ему. Когда понадобится ломовая лошадь, я тебя позову.

– Так точно. Рад стараться. Разрешите иди, ваше благородие? – скороговоркой выпалил Голубев, смешав в своем ответе все пришедшие в голову реплики из устава царской армии.

– Отдыхай.

– Слушаюсь, – он не стал добавлять, хотя и хотел, «и повинуюсь», потому что эти слова были из другой постановки.

– Эй, Верховцев, – послышалось из бронемашин. Из люка высунулся радист. Он только что разговаривал с пилотом «стрекозы». Топлива у того осталось минут на десять. Он хотел улетать на дозаправку, выяснял, что стряслось внизу и надо ли присылать ему замену, – может, мне сразу запросить помощь? Зачем тебе мучиться, рученьки белые марасть.

– Отстань, без тебя хоть вешайся, – огрызнулся водитель.

– Могу дать веревку и мыло.

– Веревку, может, и возьму, но потом. Мыло себе оставь. Помоешься. От тебя несет, как от помойного ведра.

– Ладно, ладно. «Стрекоза» нас хочет покинуть. Спрашивает, сколько тебе времени надо на починку.

– Не знаю. Может, долго.

– Понял. Так и сообщу. Пусть на замену другую «стрекозу» вызывают, – радист опять нырнул в трюм бронемашин.

Временное безделье занять было абсолютно нечем. Можно, конечно, впрячься в БМП наподобие бурлаков и попробовать протащить ее вперед. Весила она поменьше, чем баржа, а десантники и егеря казались крепче тех бедолаг, что были изображены на картине Репина, но вряд ли усилий всех их хватит на то, чтобы сдвинуть бронемашину хотя бы на несколько сантиметров. Толку никакого, зато можно весело провести время. Лучше, если застряли бы две БМП. Тогда можно было и вовсе разделить на две команды и устроить соревнования, достойные книги рекордов Гиннеса.

Ох, и сигаретки не выкуришь. Вдруг в ближайших кустах сидит снайпер, еще не успевший превратиться в ледышку, греет окоченевшие руки своим дыханием, посматривает по сторонам, прикинувшись то ли камнем, то ли холмиком, обросшим кустами, – он понатыкал в свою одежду веточек. Ноги у него уже обморозились. О валенках он не позаботился (не любит он ничего, что связано с русскими), а теплые ботинки в такую погоду от холода защищают недолго. Вот и мучается теперь. Тем не менее он сможет приладить приклад к плечу, заглянуть в оптический прицел и нажать на курок разок-другой, прежде чем его накроют из станкового пулемета. Если снайпер – араб или негр, непривычный к местному климату и снег видевший разве что по телевизору, на фотографиях и в холодильнике, а лед – в бокале с коктейлем, то он давно уже распрощался со своей душой. Отойди чуть в сторону от дороги, наткнешься на скрюченные ледяные скульптуры. Художественной ценности они не представляют. Никто не пойдет их искать. Но...

Экспериментировать не стоило. Огонек сигареты – прекрасный ориентир для снайпера – мишень, которая приободрит даже полумертвого.

А вот валенки – мечта. Жаль, что их по уставу положено носить только милиционерам. Они так комично в них выглядят, управляя движением на городских улицах. Зато не мерзнут.

Десантники, похоже, не собирались выбираться из трюма, то ли боялись, что их теплые места займут, то ли заснули все и не почувствовали, что машина остановилась. Странно, что они не слышали грохот шагов по броне – они такие громкие, что всем в трюме должно казаться, что колотят возле ушей и со всех сторон, по всему корпусу, снизу тоже, точно и там кто-то бродит.

Задний люк приоткрылся со скрипом, тусклый сноп света выпал на снег, сжался в испуге, а потом в него прыгнул десантник, да так и остался стоять в этом пятне, увязнув. Он что-то держал в руках, бережно поддерживая сверху и снизу, что-то очень напоминающее снаряд небольшого калибра. Зачем он ему? Когда десантник оказался в пятне света, то стало видно, что гильза снаряда красная, раскрашенная синими цветочками, а сам снаряд – маленький совсем, тупоносый, серебристый. Теперь-то все увидели, что никакой это не снаряд, а термос. Десантник распрямился, кости его захрустели. Он улыбнулся, промычал: «Ох, хорошо», – хватая воздух носом и ртом. Потом выставил термос впереди себя, легонько взболтнул.

– Ребятки, чайку не желаете?

– Ты еще спрашиваешь? Да мы тут на свежем воздухе все окоченели, – сказал Голубев.

– Хорошо вам. Мы там внутри все задохнулись.

– Потому и не выходите?

– Нет. Не поэтому. Но противогазов-то у нас нет. Не знаю, кому и лучше.

Десантник отвинтил колпачок, служивший и чашкой, протянул его егерю, а сам зубами вытащил большую пробку, заткнувшую ему рот, как прочный кляп. Теперь он мог только мычать.

– М-м-м.

Егеря превосходно все понял, подставил кружку и смотрел, как в нее льется ароматная густая жидкость.

– Хватит, хватит, – сказал егеря, почувствовав, что к тому времени, как кружка наполнится до краев, стенки ее так нагреются, что он просто не сможет держать ее в руках. И без того пар обжег егерю нос, когда он поднес кружку к губам, а чай – гортань. Он выпил чай слишком быстро, почти не почувствовав его вкуса. В желудке стало тепло.

– Спасибо. Давно мечтал.

– Всегда готов.

На запах стянулись все егеря, странно, что он не выманил из трюма десантников. Кондратьев, Евсеев, Луцкий и Кудимов, которому и протянул чашку Голубев со словами: «Реко-

мендую. Очень вкусно». Сам он отошел в сторону, чтобы над душой не стоять, потому что ему хотелось еще чаю, но если давать волю своим желаниям...

Только один егерь остался на броне – возле башни, похожий теперь на охотника, взо-бравшегося на убитого им страшного зверя. Охотник позирует и ждет, когда знакомые запечатлят этот исторический момент для потомков. Башню он повесит в квартире на стене – среди остальных трофеев, а фотографию будет носить с собой и небрежно демонстрировать своим менее удачливым коллегам. Но было слишком темно. Снимок мог выйти нечетким. Чтобы получить понятное изображение, его надо обрабатывать на компьютере.

Егерь мотал головой из стороны в сторону, приставив к глазам бинокль. В инфракрасном свете округа тоже казалась безжизненной. Возможно, надо проводить наблюдения в каком-то другом спектре.

Горы покрывала зеленоватая дымка, кусты шевелились от ветра, снег искрил, и если смотреть на него с минуту, то начинало резать от боли глаза, словно в них попала соринка. Но пейзаж не заслуживал такого длительного внимания к себе и уже через несколько секунд надоедал. Периодически егерь отрывал бинокль от глаз, видимо, проверяя, не прилип ли он к коже, и с заметным удовольствием переводил взгляд на копошащихся внизу товарищей. Эта картина успокаивала его. Ему приказали наблюдать за местностью. Когда глаза немного успевали отдохнуть, ему приходилось вновь прикладываться к биноклю, совсем как алкоголику, который не может расстаться с бутылкой и, переведя дух, цедит из нее пойло маленькими глотками, растягивая удовольствие. Он боится подумать, что бутылка когда-нибудь опустеет. На новую он не наскребет в карманах денег. Придется либо просить милостыню, либо ограбить кого-нибудь...

А егерь продолжал пить глазами эти горы, снег, темноту. Он успеет опьянеть от них. До рассвета еще так долго.

Его глаза так устали, что, увидев вспышку света, он вначале принял ее за галлюцинацию. К тому же она была очень короткой. Пока глаза передавали информацию о ней в мозг по нервным сенсорам, вспышка уже погасла.

Егерь старательно протер глаза тыльной стороной ладони. Нет, не показалось. Была эта чертова вспышка! Хорошо хоть не выстрел...

Там в горах нет никаких поселений, а если кто-то вздумал разжечь костер, то огонь не угас бы так быстро.

- Топорков, чайку попей, – закричали егеря наблюдателю.
- Спасибо. Чуть попозже.

Он отыскал глазами Кондратьева. Тот оперся спиной на левый борт БМП, положил обе руки на автомат, повешенный, как хомут, и болтавшийся на уровне живота. Только что радист сообщил капитану, что они остались без воздушного прикрытия. «Стрекоза» улетела на дозаправку, а замены ей не нашлось. Все выполняли какие-то задания.

Егерь загрохотал ботинками по броне. Кондратьев обернулся на звук. Наблюдателю не пришлось даже слезать с машины. Он только присел на корточки и, почти на ухо, сказал капитану:

- Я видел свет. Вспышку света. Вон там. – Топорков махнул рукой, указывая направление, и держал ее на весу, пока капитан всматривался в темноту. – В горах, – закончил егерь.
- Вспышку света? – тихо протянул Кондратьев. – Занятно. Как она выглядела?
- Егерь задумался, подыскивая наиболее подходящее сравнение.
- Ну, появился свет и исчез. Знаешь, как на лестничную клетку, где лампочек нет, дверь открыть и тут же закрыть.

– Занятно... – повторил Кондратьев, достал из сумки карту, развернул ее, положил на броню. – Мы здесь, – ткнул он пальцем в карту, потом задрал голову вверх, чтобы свериться со звездами, и вновь вернулся к карте. – Да, здесь. Где был свет?

Эту карту егерь хорошо знал. Пожалуй, смог бы довольно достоверно воспроизвести ее, но прежде чем указать место, он вначале посмотрел на башню БМП и провел от нее невидимую прямую, которая исчезала где-то в горах.

– Вот там где-то. Примерно, конечно. Темно. Точнее не определю, – он будто извинялся.

– Хорошо, – сказал Кондратьев. Ничем иным, кроме похвалы, он не мог поощрить егеря, не отдавать же ему плитку шоколада из пайка. Послунявив грифель карандаша, капитан нанес на карту жирную точку.

На душе стало скверно. Чувствуешь, что тучи сгущаются, небо темнеет, и вскоре налетит сильный шторм, а берега не видать и укрыться негде. Остается только ждать. Мозг лихорадочно обрабатывал информацию. «Километров пять с половиной», – прикинул Кондратьев на глаз. Вымерять линейкой это расстояние – труд напрасный. Ошибешься метров на сто. Что они значат? Ничего. Пешком, даже оставив возле БМП часть снаряжения, не дойти. Проваливаешься в рыхлый снег вначале по щиколотку. Затем, когда отойдешь подальше от дороги, начнешь увязать по колено. Не остановишься вовремя – утонешь по шею, а то и с головой уйдешь под снег, и приятелям, если они не окажутся в такой же ситуации, придется вытаскивать тебя, как из болота. Последние километры будешь передвигаться еле-еле, а в голове останется одна мысль: послать все к чертям, повернуть обратно, забраться на БМП, вытянуть гудящие от усталости ноги, остудить горящий рот несколькими глотками воды.

Отправляться в горы на БМП – еще хуже. Она так тарыхтит, что боевики, пока проедешь эти пять с половиной километров, успеют хорошенько спрятаться или вовсе уйдут от греха подальше, вообразив по страшному шуму, что за ними пришла не иначе как целая дивизия федералов. Ищи их тогда. Они могут пометить свой путь минами. Искать тогда будет полегче, но гораздо опаснее. На полный желудок лучше не думать о том, что может в этом случае остаться от десантников, егерей и БМП. Даже не рожки и ножки, а что-то плохо поддающееся идентификации.

Отчего-то Кондратьев сразу вообразил, что там находится база «сепаратистов», где окажется не меньше одного-двух десятков вооруженных до зубов головорезов. Они не выпускают автоматы из рук уже по несколько лет, так что началась взаимная диффузия атомов, и чтобы оторвать их от оружия, придется проделать небольшую хирургическую операцию. Сложной аппаратуры она не требует – хватит и тесака. Не нужно и большое мастерство хирурга. А сейчас головорезы греются возле костра, никого пока не трогают и будут очень недовольны тем, что кто-то потревожит их, заставив выходить из тепла на мороз.

Идти на заведомо гиблое дело – много ума не надо. Про них подумают, что исчезли в горах. Одной легендой станет больше. Вскоре их будет так же много, как и о Бермудском треугольнике. Еще экспедиции исследователей паранормальных явлений начнут сюда со всего мира приезжать. Вот боевики обрадуются такому количеству потенциальных заложников! Это может существенно пополнить их капиталы.

Взревел двигатель и, словно прочищая горло, выплюнул из выхлопной трубы первый стук газов, закашлял, едва не заглох, но потом заработал-таки без надрывов, точно принял чудодейственное лекарство, которое вмиг излечило его от всех болезней. Рецепт знал только водитель.

– Всё. Можем ехать.

Водитель вытирал рваной тряпкой испачканные в масле и земле руки. Оттирались они плохо. Тряпка была грязной. На ней с трудом угадывались выцветшие краски баскетбольного клуба из Вашингтона. Можно было предположить, что когда-то тряпка эта украшала торс водителя. Он провел ладонью по лбу, смахивая капельки пота, но вместо них оставил на коже темную полосу. Попробуй он стереть ее, и еще больше вымазался бы маслом. Могла получиться маскировочная окраска. Не по сезону только. Сейчас нужно краситься в белое.

– Ладно. Дома умоюсь, – в сердцах бросил водитель.

– На броню, – приказал Кондратьев, – всем смотреть по сторонам. Зорко. Поехали!
– А махнуть рукой, – вставил Голубев.

Кондратьев не махнул, а отмахнулся, постучал прикладом автомата по броне, когда все егеря оказались на БМП. Стучал он не сильно, чтобы водитель, не дай бог, не оглох окончательно от этого звука.

БМП рванулась вперед, выбрасывая из-под гусениц куски льда и комья спрессованного снега, оставляя позади себя два безобразных шрама. Все, кто сидел на броне, качнулись назад, совсем как пассажиры автобуса, которым управляет новичок, и схватились за скобы, чтобы не свалиться. Но водитель приноровился, выбрал правильный темп, так что, кроме холода, егеря вплоть до базы больше никаких неудобств не испытывали.

Глава 2

Алазаеву совсем не нравилась роль, в которой он сейчас оказался, – мышь, загнанная в нору, возле которой бродит кошка, принюхивается и роет землю. Когда-нибудь она наконец-то наткнется на вход в нору. Еще полгода назад Алазаев мог разгуливать по всему дому, совсем не опасаясь кошек. Их здесь просто не было.

А вот Малик – счастливая душа, как ни в чем не бывало уставился в телевизор, поглощавший все его внимание. Прогрели возле его уха в эти секунды настоящий, а не киношный выстрел, вряд ли Малик вышел бы из полугипнотического состояния. Он не увидел бы разницы. Изредка он издавал что-то вроде «у-у», будто разучился говорить, клацал зубами, причмокивал языком и покачивал головой. Загляни ему сейчас кто-нибудь в глаза, – увидел бы там восторг, совсем как у маленького мальчика, которому рассказывают сказку или помахали перед носом игрушкой, а он все никак не может об этом забыть. Иногда Малик оборачивался, искал кого-нибудь, кто разделит с ним восторг, но взгляд его наткнулся на уставшие, разбросанные по полу и лежанкам, как ненужные вещи, тела. Он смотрел на них, взгляд его постепенно тускнел, восторг пропадал, а затем, поникнув, немного ссутулившись, Малик вновь поворачивался к телевизору. Через несколько секунд плечи его распрямлялись, он приободрялся и опять заводил старую песню, исполняя которую, клацал зубами, причмокивал и завывал. На экране Шварценеггер не целясь косил направо и налево глупых колумбийцев. Они выбегали из укрытий прямо под его пули, словно хотели их поймать. Вот только мишени на груди они почему-то нарисовать забыли.

Малик сидел на корточках на коврик, положив перед собой автомат, и время от времени стискивал ладонью приклад. Малику было шестнадцать и, хотя в этой жизни он умел только стрелять, бросать гранаты и закладывать мины, он еще сохранил в глубине души остатки детской наивности. Когда-то он умел читать, но за последние годы почти разучился и теперь складывал буквы в слова с таким трудом, будто это была хитроумнейшая головоломка, одолеть которую могут немногие. Но это его нисколько не огорчало. Гораздо важнее уметь воевать – тот, кто овладел этим ремеслом, всегда может постоять за себя и найти работу, а от умения читать – пользы почти никакой. Разве что документы проверять.

До войны Малик жил в пригороде столицы Истабана. Отец его погиб случайно в самом начале беспорядков от пули, которая предназначалась вовсе не ему, – пошел в магазин, а возле него завязалась перестрелка между какими-то группировками, делившими сферы влияния. В тот же год его мать вместе с братом и двумя сестрами накрыло авиабомбой. Малик в это время куда-то отлучился, боялся, что получит нагоняй, возвращаться не торопился, а когда вернулся, то на месте дома нашел только развалины. Разбирать их и искать выживших никто не собирался. Малик расплакался, постоял возле развалин, но сочувствия не нашел. На него почти не обращали внимания. У всех и без него проблем вдруг стало невпроворот. Судьба ждала его незавидная – ходить побираться, чтобы не протянуть ноги от голода, а то и приоб-

щиться к воровству, пока кто-нибудь из обворованных не прихлопнул бы его, как таракана. Мстить-то за мальчишку некому.

Алазаев над сиротой сжалился. По прошлой жизни – спокойной и беззаботной, он знал отца Малика, хотя друзьями они никогда не были, да и товарищами их нельзя было назвать. Он просто знал отца Малика. Алазаев надеялся, что когда окажется на небесах, Аллах зачтет ему это благодеяние. Может, оно перевесит все его грехи, и его определят в рай. Малик же был предан ему душой и телом, что немаловажно, когда большинство выполняет твои приказы только до тех пор, пока ты можешь платить им, а стоит начаться финансовому кризису, как тут же окажешься без сподвижников. Малик выполнял функции, схожие с адъютантскими.

Проблему «Что делать?» вот уже не первое столетие пытаются разрешить более светлые, чем у Алазаева, умы. Получается у них не всегда хорошо. На вопрос «Кто виноват?» Алазаев ответ уже подыскал.

Громкое слово «сподвижники» плохо лепилось к людям, окружавшим Алазаева. Они впали в какое-то в отрешенное от реальности состояние, потому что даже самые глупые из них начинали понимать, что, взяв наперевес автомат, обмотавшись пулевыми лентами и повесив на пояс гранаты, как украшения на новогоднюю елку, из окружения все равно не выберешься. Новый год давно прошел, поэтому ожившей и одичавшей елке, да еще увешанной взрывоопасными погремушками, на равнине рад никто не будет. Перспективы – либо подорвешься на собственных гранатах, либо тебя загонят обратно в горы, да не на прежнее теплое и обжитое местечко, а куда-нибудь подальше, где по горным тропам бродят разве что горные козлы, контрабандисты, да изредка попадается снежный человек.

Многие сейчас спали, укутавшись с ног до головы в одеяла, чтобы не очень досаждал холод. Двое с методичностью запрограммированных машин чистили автоматы, заботливо, с любовью протирая их тряпочками и, как в подзорную трубу, заглядывая в дуло, даже не отделив при этом от автомата рожок с патронами. «Ну, хорошо хоть с предохранителя не сняли, – думал Алазаев, поглядывая на боевиков, – а то заденут курком за что-нибудь, всех перебудят и напачкают в пещере». Занятие это так поглощало «сподвижников», что они, как и Малик, ничего уже вокруг себя не замечали, были самоудовлетворены, как философы, познавшие после долгих мучительных размышлений таинства мира.

Побросать здесь все оружие, отмыть запах пороховой гари на руках и лицах, переодеться во что-то более мирное, чем камуфляжная форма, и попробовать просочиться сквозь фильтрационные лагеря? Нет. За мирных жителей, которым осточертела война и которые хотят побыстрее взяться за пахоту (все-таки весна на носу) их примет только слепой, да и то вначале принимается к ним и спросит, а что это, уважаемые, от вас так порохом несет.

Еще три месяца назад Алазаев, предвидя, что вскоре возникнут, мягко говоря, некоторые осложнения, приказал своим людям организовать в горах небольшую базу. Они тогда роптали, не понимали, зачем она нужна. Заложники могли их выдать, поэтому строили ее только те, чья судьба была предрешена. Она была рассчитана на два с половиной десятка человек. Но когда пришло время ею воспользоваться, столько людей у Алазаева уже не было.

Сколько еще дней просидишь в этом убежище? Берлога, конечно, не могла сравниться с пятизвездочным отелем и даже на две звезды вряд ли тянула, но все же здесь было гораздо комфортнее, чем в катакомбах, в которых обитали партизаны, воевавшие с немцами на Крымском полуострове, и уж тем более в гробу... Телевизор, свет, еда, тепло – что еще нужно от этой жизни, за исключением уюта, который может создать только женщина. Но женщин среди них не осталось. Раньше была одна. Снайпер. Хороший снайпер. Зря патроны не тратила, как некоторые, кто любит пострелять вверх и поугаить птичек да необстрелянных новобранцев, коих среди федералов давно уже не попадалось. Она говорила, что родом из Москвы, а по национальности – не разберешь. Может, и славянка. Денег почти не просила, довольствовалась малым и уж точно не думала заработать здесь на безбедную старость. Воевала с азартом,

получая от этого удовольствия. Таких женщин лучше не злить. Они как дикие кошки. Но ее уже недели две как убили. Крупнокалиберные пули станкового пулемета, которые установлены на бронемашинах, оставляют от человека трудноузнаваемые ошметки, а в нее их попало штук пять – не меньше...

Не просидят они в убежище долго. Даже несколько месяцев не просидят. Рано или поздно, но федералы все равно их найдут, а если и не они, то какой-нибудь доброхот обязательно наткнется на их следы и сообщит об этом новой администрации, а там уже надо будет готовиться к приему гостей. Плохо, что придут они, предварительно не сообщив о времени визита. Как известно, нет ничего хуже непрошенных гостей.

Опять же вскоре запасы продуктов закончатся. Какое-то время продержишься на консервах и сухарях, а потом придется отправиться на добычу провианта. Видимо, это станет последним их походом. Паломничество к святым местам за продуктами – нет, не так он хотел расстаться с жизнью. Совсем не так. Да и вовсе не хотел он расставаться с ней. Но вариантов было так мало, что из плохих приходилось выбирать наименее плохой.

– Малик, ты же видел этот фильм, – сказал Алазаев.

– Да, командир, – отозвался Малик, – он очень интересный.

– Извини, но я тебя прерву.

– Ты опять будешь смотреть новости?

– Да.

– О тебе в них ничего не скажут.

– Хвала Аллаху. Я не стремлюсь стать телезвездой. В последнее время кого-то вспоминают, только когда подранят или убьют. Ты что же, хочешь, чтобы и со мной случилось то же самое?

– Нет, нет, – замотал головой Малик. Он-то мечтал, чтобы его показали по телевизору, но конечно не в виде окоченевшего окровавленного трупа.

– Узнаем, что творится вокруг нас. Разве тебе это не интересно?

– Интересно.

– Правильно. Развивай любознательность, – назидательно сказал Алазаев. Он вдруг понял, что Малик тянет время, хочет уболтать его и таким образом дожидаться окончания фильма. Алазаев улыбнулся.

Месяца четыре назад в отряд попали корреспонденты какой-то французской телекомпании. Сам Алазаев отказался от участия в съемках, а вот его подчиненные, несмотря на то что Аллах гневается, когда изображают живых людей, не упустили шанса попозировать перед телекамерой, улыбались во все зубы, трясли оружием, стреляли в воздух и кричали о том, что они полны решимости дать отпор федеральным войскам.

Французы едва сдерживались от радости, чуть ли не танцевали, смеялись, раздавали коробками привезенные с собой шоколадки. Было весело, как на празднике. Французам предложили жареную баранину. Тем понравилось, и они извинялись, что не подумали захватить с собой вино и теперь не могут ничем, кроме шоколадок, угостить хлебосольных хозяев. Вместо вина пили водку.

Вскоре эти кадры стали показывать на всех российских каналах. Французы наверняка их выгодно перепродали. «Сподвижники» же с той поры регулярно просматривали выпуски новостей, каждый раз надеясь, что опять увидят себя. Подробностей на экране не разглядишь, но боевики тыкали в экран пальцем, показывая, кто где стоит, хлопали друг друга по плечам, точно оказались на трибуне во время футбольного матча.

Эти кадры попадались до сих пор, иллюстрируя рассказы о последних событиях в Истабане. Теперь, конечно, не так часто, как раньше. Но и боевики утратили интерес к новостям. Ничего хорошего для них там не сообщалось. Большинства из тех, кого они видели на экране,

уже давно не было среди живых. А кому приятно оказаться в одной компании с мертвецами? Но теперь Аллах не должен сердиться на них.

Шварценеггер так и не успел расправиться со всеми своим противниками.

– Я куплю тебе кассету с этим фильмом, – сказал Алазаев, переключая канал.

– Ты давно уже это обещаешь. Сам куплю кассету, – огрызнулся Малик, – ты постоянно мне мешаешь. Я бы его давно уже записал.

– Писал бы сейчас.

– Я знал, что ты мне не дашь досмотреть.

– Есть хочешь?

– Нет, – бросил Малик, – пойду погуляю.

– Правильно – это очень полезно для растущего организма.

Малик поднялся, закинул автомат на плечо и выбрался из пещеры, еще до того, как стали передавать очередной выпуск новостей. Сообщения из Истабана шли в самом начале выпусков, если, конечно, не случилось ничего сенсационного в Федеральных округах, в Центре или в мире, будь то пожары, убийства политических лидеров, землетрясения, захват заложников или массовые беспорядки. На сей раз в мире было спокойно.

Алазаев немного приглушил звук. На экране мелькали знакомые места. Он смотрел на них с ностальгией и завистью, потому что доступ туда для него был закрыт. Это чувство сродни тому, что появлялось у простых советских граждан, когда они смотрели передачу «Клуб кинопутешественников». Такие «путешественники» знали историю дальних стран даже лучше, чем люди, их населяющие, вот только видели они эти места лишь на экранах телевизоров и никогда там не оказывались.

Пало Эгенбекское укрепление. Истребленные и рассеянные отряды боевиков группками по пять-десять человек пытаются уйти за границу. Остался лишь один крупный отряд, но он зажат в горах, как в бутылке с узким горлышком, через которое боевики, неся ощутимые потери, периодически пробуют выскользнуть. На все эти попытки федеральные войска отвечают усилением обстрелов и бомбежек. Они расчертили предположительное место дислокации отряда на квадраты и методично обрабатывают их всеми видами оружия, дозволенными международной конвенцией. А может, применяют и недозволенные. Поди проверь. Международных наблюдателей среди них, кажется, нет, а информация дается дозировано. Потом несколько экспертов бурно обсуждали вопрос, началась ли в Истабана партизанская война или по-прежнему продолжается вооруженное противостояние, будто это было так важно, что от правильного ответа ситуация в республике сразу же изменится. Наконец болтовня закончилась. Весь экран заполонила верхняя часть тела ведущего, потом его заключенное в рамку изображение отъехало в правую сторону, а в левой возникла другая такая же рамка. В ней томился репортер, сжимавший в руках микрофон. Ждал он, видимо, долго. Нос его покраснел скорее от холода, чем от выпитых для бодрости и сугрева горячительных напитков. Репортер стал что-то говорить, часто сбиваясь, – вероятно, не из-за того, что нервничал, а просто устал и замерз – челюсти плохо двигались, а под глазами отчетливо стали видны синяки, точно его не так давно поколотили. Из рта репортера вырывались клубы дыма, прямо как у огнедышащего дракона.

Алазаев насторожился, сделал звук чуть громче, но не таким сильным, чтобы не разбудить спящих. Смысл слов ускользал от него. Он, видимо, пропустил ключевую фразу, после которой смотри, не смотри – все равно ничего не поймешь. Он все никак не мог сосредоточиться; впрочем, сейчас это было не самым главным.

Репортер был довольно известен. Алазаев, следивший за новостями в Центре еще до того, как началась так называемая контртеррористическая операция в Истабана, видел его сюжеты из Государственной думы, Совета Федерации, Белого дома и Кремля.

Он ощутил какое-то странное чувство. Словно по его телу пробежала слабая волна тока, срывая со своих мест все внутренние органы и, как кровь, обтекая ребра, сердце, легкие, нака-

тываясь на мозг. Рано. В России так не казнят, а если он окажется в Америке, то вряд ли совершит преступление, после которого его посадят на электрический стул.

Рука Алазаева коснулась пульта управления видеоманитофоном. Там была уже какая-то кассета. Когда он нажал на кнопку записи, магнитофон откликнулся вначале серией пощелкиваний, а потом довольным урчанием, точно кот, полакомившийся сметаной. Алазаев записал все прямое включение и выключил магнитофон только тогда, когда пошел новый сюжет, и стало ясно, что сегодня этот репортер в кадре больше не появится, а тема Истабана исчерпана.

Алазаев тупо смотрел в экран телевизора, пробуя ответить на вопрос – зачем он записал этот репортаж. Хорошо будет, если при этом он не стер кусок какого-нибудь фильма, из тех, что нравились Малику. Пацан таскал в своем рюкзаке несколько кассет, боясь с ними расстаться, точно они были своеобразным талисманом. Чтобы фильмы занимали поменьше места, он переписал их на самые длинные кассеты, которые сумел раздобыть. Четырехчасовки. На каждую влезало два фильма, а значит, он сумел вдвое сократить свою ношу.

Алазаев прокрутил кассету назад, дотронулся до кнопки воспроизведения, немного не рассчитал – на экране появилось какое-то заокеанское мордобитие, но оно тут же исчезло, так что Алазаев не успел даже расстроиться. Запись начиналась с полуслова. Понять, о чем идет речь, можно было секунды с десятой – пятнадцатой. Алазаев нажал на паузу. Изображение застыло. Экран на уровне шеи репортера прорезала вздрагивающая полоса, отделив голову от туловища. В каком-то из фильмов так можно было увидеть свою судьбу. Или почти так.

Магнитофон начал раздраженно жужжать, совсем как насекомое, которое отогнали от переполненного нектаром цветка. Оно ждет команду продолжить трапезу.

Алазаев озабоченно почесал бороду. Он отрастил ее вовсе не из-за того, что был приверженцем ваххабизма. Напротив. Всевозможные религиозные отклонения он терпеть не мог и к ваххабизму относился настороженно. Просто с бородой было зимой теплее, времени на уход за ней требовалось немного, иногда подровнять ножницами, расчесать, но без этого тоже можно обойтись, а вот бриться каждый день – куда хлопотнее.

Генератор мерно гудел. К этому звуку все уже привыкли и не замечали его. Он стал фоном. Но говорить приходилось чуть громче, чем обычно. Зато, если выйти на свежий воздух и немного отойти от убежища, на тебя наваливалась такая тишина, что барабанные перепонки начинали вибрировать, как после очень легкой контузии.

В убежище скопилась полумгла, потому что растрчивать энергию на электрическое освещение боевики не хотели, пользовались керосиновыми лампами или фитильными фонарями. Но их было явно недостаточно, чтобы совсем прогнать темноту.

Алазаев нашел глазами Рамазана. Тот только что выбрался из-под одеяла, сел на матрац, подогнув по-турецки ноги, выпрямил спину и остался в этой позе, немного покачиваясь вперед-назад, как болванчик, после легкого прикосновения. Алазаев не видел, открыты ли его глаза. Может, он все еще продолжал спать. Но в эту секунду магнитофон опять разразился серией щелчков. Он отпустил пленку, совсем как собака, которая еще секунду назад ухватила брошенную ей палку, но теперь потеряла к ней интерес. Экран стал черным. Рамазан вздрогнул от этого звука, повернул голову к телевизору, но уставился не на экран, быстро смекнув, что там все равно не появится ничего интересного, а на Алазаева. Они смотрели друг на друга с таким же выражением в глазах, какое, наверное, бывает у двух лунатиков, повстречавшихся посреди ночи на крыше дома.

– Подойди ко мне, – сказал Алазаев.

Рамазан был не от мира сего. Его вечно блуждающий взгляд никак не мог сосредоточиться на одной точке, и, когда кто-нибудь с ним разговаривал, то не мог избавиться от мысли, что Рамазан беседует с кем-то другим, а тебя вовсе не замечает, смотрит то ли в сторону, то ли вовсе в пустоту. Что он там видел? В советское время он несколько лет провел в психиатрической больнице, но вел себя там тихо и смиренно, считался среди самых перспективных

больных, которые когда-нибудь могут излечиться. В конце концов его выпустили на свободу, обязав раз в месяц приходить в больницу на обследование. Впрочем, когда пришли перемены, следить за ним перестали, как и за другими больными. Они разбежались кто куда и к настоящему моменту, скорее всего, уже повымирали. Изредка речь Рамазана становилась несвязанной, слова не собирались в предложения, он заикался, а потом и вовсе замолкал, погружаясь в собственный мир, и тогда из него нельзя было вытянуть ни единого слова – жги его огнем или ставь к стенке. Но порой взгляд его прояснялся, тело напрягалось и, всматриваясь куда-то впереди себя, а там обычно ничего не было, кроме стены убежища, Рамазан изрекал фразы типа: «Миром правит зло. Не ходите на перевал». Потом он поникал, вновь превращался в умалишенного, без которого не обходится ни одно селение. Алазаев подумывал приставить к нему человека, чтобы тот записывал все слова, произнесенные Рамазаном. Вдруг тот скажет что-то важное... Во время жестокого боя, когда воздух был насыщен пулями, точно пчелами на пасеке, Рамазан мог встать в полный рост, запрыгать, затанцевать или спеть песню – странно, что до сих пор ни одна пуля в него не попала, словно он успевал от них увернуться. Кто-то им восхищался. Но в других случаях, когда обстрел был не столь жарким, Рамазан мог лежать, втиснувшись в землю, и не шевелиться, как мертвый, точно хотел обмануть пули и осколки, чтобы они поверили в то, что он уже мертв, и перестали обращать на него внимание.

Сколько ему лет, сказать было трудно, но, судя по седеющим волосам и изрезанному морщинами лицу, никак не меньше пятидесяти. В этом возрасте надо уже давно обзавестись домом и нянчиться с внуками.

Алазаев выменял Рамазана у одного из полевых командиров, дав взамен заложника, за которого вполне можно было получить приличный выкуп. Это было второе деяние, которое Аллах просто обязан отметить, когда станет думать, куда отправлять Алазаева после смерти. Но если и этого окажется недостаточно, чтобы перевесить все его грехи, придется срочно жениться, нарожать и вырастить не менее трех дочек. За это Аллах простит все.

Полевой командир был доволен тем, что расстался с обузой, коей являлся для него Рамазан. Вот только выкуп за заложника он получить не успел. Через месяц его отряд попал в засаду и был полностью перебит.

Рамазан встал с матраца, завернулся в одеяло, как в халат, подошел к Алазаеву. От него исходил тяжелый неприятный запах давно не мытого тела. Алазаев и сам не благоухал.

– Зачем ты меня позвал? Ты же не чувствуешь боли?

– Нет, я здоров. Ты мне нужен для другого.

Рамазан опустился на корточки. Лупоглазый, как жаба, и такой же внешне отталкивающий, если не сказать страшный, не приведи Господь увидеть такого ночью, разрыв сердца может случиться. Рука при виде его так и тянется к ножу, чтобы немного подправить физиономию, срезая отвратительные бородавки, усеявшие кожу. Алазаев никак не мог привыкнуть к внешности Рамазана, и, когда тот приблизил к нему лицо, отмахнулся, а потом, уже справившись со своими чувствами, устыдился, подумав, что невольно его обидел. Но Рамазан ничего не заметил или сделал вид, что ничего не заметил. Он уже привык к тому, что люди обычно гонят его прочь.

– Посмотри, – Алазаев опять отмотал пленку на кассете немного назад, на этот раз рассчитав время точно. Когда экран осветился, шел выпуск новостей. – Запомни этого человека. Тебе придется с ним поработать.

– Что ты хочешь сделать?

– Я хочу, чтобы ты кое-что ему внушил.

– На расстоянии ничего не получится. Мне нужно его видеть. Ты хочешь его похитить?

– Да.

– Устроишь налет на федеральный пресс-центр в Илегуне?

– Нет. Это слишком сложно. Во-первых, у меня не хватит людей. Во-вторых, если мы разрушим пресс-центр, то как же станем получать информацию о том, что происходит в Истабане?

Рамазан слушал не перебивая. Он только слегка кивал головой. Сейчас были те минуты, когда он пребывал в полном здравии, разумно вел диалог и вполне мог сойти за нормального, даже за очень умного человека. Алазаев знал, что продлится это недолго, от силы минут десять, поэтому поспешил закончить разговор, опасаясь, что в любую секунду Рамазан вновь может впасть в состояние сомнамбулы.

– Ты понял? Ты должен с ним поработать.

– Хорошо. Но как ты его захватишь?

– Это не твоя забота. Она не должна тебя беспокоить.

– Я сделаю все, что ты захочешь.

Вентиляторов, а тем более кондиционеров, конструкция убежища не предусматривала. В воздухе стоял густой запах человеческих тел. По малой и большой нужде выбегали на свежий воздух. Морозец бодрил, кусался, потому все спешили побыстрее избавиться от отходов и снова спрятаться в тепле. Дышалось уже с трудом. Никто не подумал расставить по углам кадки с пальмами или другими растениями, поглощавшими углекислый газ. Вскоре пещера превратится в некое подобие газовой камеры. Поддерживать чистоту хотя и старались и даже назначали каждый день ответственного за санитарное состояние убежища, но с мусором ослабевшие боевики уже не справлялись. Его можно было просто выбросить, но тогда это выдало бы расположение базы. Тряпки, обертки и прочий хлам могли увидеть с вертолетов или «стрекоз» – они часто барражировали над горами. Периодически над Истабаном пролетал спутник слежения. Зарывать мусор в землю или снег было слишком муторно, вот и скапливался он на полу. Хорошо еще, крысы здесь не завелись. Но все равно, скоро надо убежище бросать. Не век же здесь сидеть. Пусть оно достанется федералам захламленным, а не чистеньким и прибранным.

В глубине пещеры было сооружено некое подобие клетки. Там сидели три заложника. Все возрастом примерно чуть за двадцать. Они давно не брились, заросли, как дикие люди, а пахло от них, как из помойки, из-за давно не стиранной, уже превратившейся в лохмотья одежды, едва прикрывающей немые тела. Из-за этого близко к заложникам никто не подходил. Еду, похожую на баланду, которую подают в следственных изоляторах, приносили, заткнув нос пальцами. Задержав дыхание, быстро ставили миски на пол возле решетки и уходили, точно в клетке прятались звери, которые могут вырваться на свободу и разорвать на куски всех, кто попадется на их пути. Боевикам постоянно приходилось урезать свой паек, хотя переводить продукты на заложников не стоило. Это было плохое вложение капитала. Прибыли оно не принесет никакой. Заложники тянули худые руки из-за решетки, жадно пили баланду, а потом вылизывали миски. Боевики ждали, когда же наконец они передерутся. Гладиаторским боем это не назовешь, но будет небольшая забава. Может, настроение немного поднимется, и на душе станет не так противно. Для этого нужен какой-то внешний раздражитель. Можно поставить возле решетки не три миски, как обычно, а одну.

Все заложники выросли в соседней губернии и были захвачены во время набега на приграничное с Истабаном село. Хорошие работники, которые пригодятся в хозяйстве. В былые времена за них удалось бы выручить неплохие деньги, но сейчас вид у них был не очень товарный от недоедания.

Раз в день их выводили на прогулку, чтобы они справили нужду и закопали в снег содержимое большого алюминиевого таза, служившего им в клетке вместо туалета. Такие прогулки совершались по двум причинам. Во-первых, если держать пленников постоянно в клетке, то отвратительный запах от нее пропитает все убежище, так что в нем очень скоро просто невозможно будет вздохнуть. Во-вторых, клетка может стать источником всяких инфекционных

заболеваний, того и гляди, разразится эпидемия какой-нибудь заразы, а медикаментов, чтобы побороться с ней, почти никаких.

Большую часть времени пленники спали, словно медведи в берлоге. Сбежать пока они не пробовали, то ли только вынашивали план, то ли смирились с судьбой. Перепродать их было уже некому. Получить выкуп от родственников – надежда пустая, слишком много времени уйдет на их поиски. Вскоре заложники станут обузой, от которой лучше избавиться. Жаль. Товар все-таки неплохой. Все или почти все их органы были в хорошем состоянии, не отравленные ядовитым городским воздухом или плохой пищей и годились для пересадки. Алазаев понимал теперь, что значит кризис перепроизводства, когда товар – за неимением покупателей и рынков сбыта – просто приходится уничтожать.

В свое время, когда в Истабанае было поспокойнее и его осаждали разнообразные представители сопредельных и не сопредельных государств, Алазаев наладил контакты с торговцами и людьми, и человеческими органами.

Но ему не везло. У него были слишком могущественные конкуренты, и в его сети не попадались такие рыбины, как полномочный представитель президента в Истабанае или хотя бы журналист богатой компании, которая, чтобы выволить своего сотрудника из плена, может выложить приличную сумму бело-зелеными бумажками. При бережном отношении к деньгам, не очень увлекаясь рулеткой в Монте-Карло и Лас-Вегасе, их хватит до старости. Если конечно, получилось бы выбраться за границу. Хорошо мечтать! Реальность оказывается всегда гораздо хуже. Алазаеву попадались мелкие сошки. Право, не захватывать же в заложники тех двух французов, что снимали их когда-то. И все-таки торговля людьми, а ей занимались в Истабанае очень многие, совершая набеги на соседние губернии, прямо как степные кочевники, позволяла Алазаеву содержать небольшой отряд наемников. Это не было пределом его мечтаний, и в то время как остальные полевые командиры на всех углах и перекрестках кричали, словно кандидаты в какие-то органы власти, о том, что они хотят создать в Истабанае исламское государство, Алазаев искал способы заработать деньги. Полевые командиры становились очень известны. Их аудитория пополнялась журналистами из иностранных средств массовой информации, воспринимавшими сказанное как некую экзотику, наподобие той, что питала воображение читателей в начале XX века, когда из статей в газетах и журналах они узнавали о каннибалах или охотниках за человеческими головами. Цепочка была очень простой. Эти статьи делали полевого командира известным, затем он мог рассчитывать, что какая-либо организация, заинтересованная в ослаблении влияния России в Истабанае, может выделить ему приличные деньги. Но потом поток средств мелел, приходилось браться за истребление куриц, несущих золотые яйца, проще говоря – за охоту на западных журналистов. Ну и ладно. Жить-то как-то надо...

От нефтяной трубы и от перегонки черного золота в бензин Алазаеву перепалили сущие пустяки. Рынок наркотиков поделили без его участия. У него хватило ума не ввязываться в его передел, как делали многие. Все они уже у Аллаха или в других таких же далеких местах. Вряд ли им хорошо сейчас, и они, небось, мечтают вернуться немного назад во времени, чтобы пойти по другой дороге. Последуй он их примеру (а ведь уговаривали, обещали чуть ли не горы золотые), и давно бы уже валялся в какой-нибудь безымянной яме, как бродячая паршивая собака, присыпанный карболкой, чтобы не распространялась всякая зараза от гниющей органики. Хуже такой могилы не придумаешь.

Через фильтрационный лагерь ему не пройти. Обязательно кто-то опознает, хоть его внешность была и не так известна, как у других полевых командиров. Лавры голливудовских кинозвезд не давали им покоя, и они записывали публичные казни на видеокассеты, которыми завалили все блошинные рынки Истабана. «Оскаром» или «Никой» их вряд ли наградят, но вот контрразведка федеральных войск оценит эти творения по заслугам. Против Алазаева такого компромата не существовало. Он просто не мог столь расточительно использовать ценный

человеческий материал. Но все же... Пожалуй, он не отделается даже максимальным сроком заключения. Вышки ему не избежать. Алазаев корил себя за жадность – нужно было бежать, как только федеральные подразделения перешли истабанскую границу, обиженные на идиотов, что вздумали вторгнуться в соседнюю губернию. Они напоминали тех безумцев, которые возомнили себя могущественнее богов и решили бросить им вызов, а боги раздавили их ладонью, как комара. Алазаев внушал себе, что это не надолго, что федералы не пойдут дальше реки, встанут на той ее стороне, возведут оборонительные сооружения, наподобие тех, что когда-то построили немцы на побережье Франции. Обложат Истабан бетонной стеной, как волка красными флажками, и никого не будут пускать в Россию. Это не страшно. Если не ввязываться в бесполезные сражения, когда у тебя автомат, гранатомет, а у противника гаубицы, бронетранспортеры, танки и авиация, переждать немного, то потом жизнь вернется в прежнее русло. У федерального центра вновь возникнут какие-то первоочередные задачи, из-за которых он на некоторое время забудет о существовании Истабана, и если не напоминать о себе, то такое положение может длиться годами. Какие они идиоты, что вторглись в соседнюю губернию! Нельзя было позволять этого. Тогда бы сейчас Алазаев продолжал заниматься своим бизнесом. Денег много не бывает, а тех, кому нужно заменить печень, почку или сердце, в мире не счесть.

Небольшая взлетная полоса, сделанная на льду замерзшего озера, пустовала. Ее засыпал снег. А напоследок можно было заработать. Любой из полевых командиров хорошо заплатил бы за то, чтобы его вывезли за территорию Истабана. Но маленький самолетик «Скайхоук» фирмы Локхид, на котором прилетал врач, осматривал пленных и говорил, кто его устраивает и какие органы нужны, задерживался. В последний раз он прилетал три недели назад. Сейчас он боялся русских. Зря. После того, как сгорел на аэродроме единственный транспортный самолет, который был в распоряжении боевиков, авиация повстанческой армии Истабана перестала существовать, и все самолеты российских ВВС были ориентированы исключительно на наземные цели. Алазаев не хотел упускать последний шанс. Когда прилетит самолет, он предложит врачу и пилоту хорошие деньги за билет в один конец. Они просто не смогут отказаться. Только бы врач прилетел! Алазаев чуть было не пошел на улицу, чтобы посмотреть, не летит ли самолет.

Магнитофон стал воспроизводить какую-то потасовку, и Алазаев отключил его. Главным участником мордобития был Сталлоне, лихо раскидывающий в разные стороны вставших в очередь солдат Советской армии. Одеты они были в слишком шикарные шинели, которые не положены даже офицерам. Алазаев понял, что затер-таки часть кассеты Малика. Если мальчишка обнаружит сей факт, то кричать и капризничать, конечно, не будет, поскольку этого не позволяла субординация, но обиду затаит. Не хотелось его огорчать. А вот пришлось. Жаль.

Магнитофон выплюнул кассету, будто она пришлась ему не по вкусу. Пленки на кассете осталось совсем мало. Фильм шел к концу. Алазаев заставил магнитофон вновь проглотить кассету, а потом прокрутил ее на самое начало, думая, что у Малика не скоро появится время, чтобы досмотреть ее. Может, никогда не появится. Тогда он ни о чем не узнает и не обидится. Кстати, пора ему и возвращаться, а то замерзнет ненароком.

Глава 3

Голова болела так, словно всю ночь ею пробивали стену. Где в палатке найти такие крепкие стены? Ох, хоть анальгин глотай, но, скорее всего, он не поможет, и лучше сразу же отправиться к врачам – выпрашивать обезболивающее.

Тело провело несколько часов в положении эмбриона, возомнило, что это его естественное состояние, и теперь не хотело принимать более привычную и удобную позу, откликаясь на каждое робкое движение тупой, озлобленной болью. Стоило только пошевелиться, и сразу появлялось чувство, будто мышцы отваливаются от костей.

Во рту застоялся неприятный привкус, будто накануне Кондратьев так оголодал, что ел давным-давно просроченные продукты. Но в этом случае у него уже должен был вспухнуть живот, и сейчас он корчился бы от боли в желудке. Затолкать бы в рот подушечку «Дирола»! Все равно какого. Здесь не до изысков и пристрастий. Кондратьев сунул руку в карман, но нащупал лишь помятую бумажку. Это все, что осталось от пачки с жевательной резинкой. Новой не достать даже у врачей. Капитан разочарованно скривился, будто проглотил что-то очень невкусное. Чем же заглушить противный привкус? Вот в чем вопрос.

Вчера, вернее сегодня ночью, они добрались до базы без происшествий. Командир полка глаз не сомкнул, дожидаясь подчиненных и, когда наконец-то ему доложили, что все вернулись, он устроил им разнос. Ему и так редко удавалось прикорнуть, а что такое мягкая подушка и одеяло, командир вспоминал лишь в мечтах... Речь его была эмоциональной и переполненной часто встречающимися в разговорах словами, которые в теле- и радиорепортажах заменяются попискиванием, а в статьях или книгах – многоточием. Из-за этого фраза приобретает многозначительность и некую незаконченность, словно принадлежит какому-то оппозиционеру, привыкшему, что все научились читать между строк и поймут, что он сказал.

Полковник готов был взять «газик» и выехать навстречу застрявшей в ночи БМП, а потом сопровождать ее до базы. Так ему было бы спокойнее. Боевики активизировались, перешли к тактике засад. Пилоты «стрекоз» почти не спали, но все равно не могли обнаружить все западни. Полковнику не хотелось, чтобы его часть упоминалась в различных СМИ наряду с елисеевским ОМОНОм и староосколковским спецназом, которые понесли в последние дни очень большие потери. Чуть ли не все убитые и раненые, значащиеся в сводках за неделю – а цифры эти в несколько раз выше среднестатистических, – именно из этих подразделений.

Беды не случилось. Но раздражение в полковнике прямо-таки клокотало, как кипящая вода в чайнике. Остудить его не смог даже вид плененного полевого командира. Капитан сразу же продемонстрировал его, как только заметил полковника. Но полевого командира уже ждали двое в серых одеждах. Контрразведка! Чем-то они напоминали архангелов, которые пришли забрать очередного грешника на Страшный суд. Они видели так много горя и страданий, что лица их окаменели, и теперь никакие эмоции уже не могли проступить сквозь белую, как гипс, кожу. Кондратьеву показалось, что, увидев их, до сего времени пытавшийся держаться бодро и даже с каким-то вызовом, будто ничего не случилось и его вскоре освободят, полевой командир вдруг задрожал, как от холода. «Нет! Нет... Только не этим!» – молили его глаза, но ничего сказать он не мог, в горле пересохло – там потерялись все звуки, и только тихий хрип вырывался из широко открытого рта. Пленный дернулся и поник, когда контрразведчики повели его, обступив с обеих сторон. Его спина сдулилась, точно у немощного старика. Двое по бокам поддерживали его, помогали идти, а то он давно упал бы от слабости. Прежде чем дело дойдет до суда, ему хорошенько промоют мозги. Не все могли вынести эту процедуру...

Простым смертным не стоит запоминать лиц этих посланцев. Капитан не смотрел им вслед.

Потеряв свой главный козырь в разговоре с полковником, Кондратьев оправдывался вяло. Он знал – стоит ему что-нибудь вякнуть в ответ, как монолог полковника еще больше затянется. Кондратьеву очень хотелось спать. Он думал: пусть уже лучше полковник побыстрее выпустит пар и успокоится. Запала у него осталось немного. Минут на десять.

Капитан не позаботился заранее вставить тампоны в уши. Сейчас ему очень хотелось их хотя бы заткнуть. Но как это сделаешь? Руки вытянуты по швам. Если он поднимет руки к ушам, то это вызовет у полковника новый прилив воодушевления. Ему бы сейчас на трибуну. Вот уж где применил бы свои ораторские способности с большей пользой! Агитируй он при этом электорат голосовать за свою кандидатуру в нижнюю палату парламента, наверняка бы заполучил там вожацкое место. До следующих выборов три года. Может, сподобиться? Чтобы написать предвыборную программу, ума много не надо. Хватит одной ночи. Вполне

успел бы изложить ее тезисно, пока ждал БМП. Так, что там главное? Землю – фермерам, фабрики и заводы – рабочим. Кто-то такое уже писал. Не беда. Новое – это хорошо забытое старое. Итак, продолжим. Рабочих – предпринимателям, развивать реальный сектор экономики, не вывозить капиталы из страны, снизить налоги, повернуться лицом к производителям. К кому окажется повернута спина и то, что пониже, – еще не ясно. Вот. И не обязательно все это выполнять. А то, когда наступит время новых выборов, придется ломать голову и придумывать новые лозунги, а так вполне можно обойтись и старыми. Еще похвалят за то, что не изменяешь раз выбранной линии, как делают некоторое приспособленцы, которые хотят постоянно оставаться на плаву в так быстро меняющемся потоке политической конъюнктуры...

Кондратьев, уже пребывая в полусонном состоянии, понял, что полковник начинает выдыхаться, а его речь постепенно приобретает назидательный стиль, как у учителя, втолковывающего ребенку, как надо жить. Капитан решил сменить тему разговора.

– Господин полковник, один из моих бойцов утверждает, что видел свет в горах.

Полковника точно окатили холодной водой.

– Фонарь? Выстрел? – встрепнулся он, вмиг став похожим на хищника, который прислушивается к шорохам ночи.

– Говорит, как будто дверь открыли.

– Покажешь на карте. Пошлем утром «стрекозы». Пусть посмотрят, что там такое. Если, конечно, будут не заняты. Теперь иди спать. Кругом марш! Чтобы духу твоего здесь не было.

Это было часов пять назад. За пять часов хорошо не выспишься, но хоть на сонную курицу походить перестанешь. И то хорошо.

Капитан стал протирать глаза, провел ладонью по шершавому, как наждачная бумага, подбородку, покачал головой. Через пару недель такой жизни станешь неотличим от ваххабита. Не попасться бы в таком виде на глаза радисткам и медсестрам. Будет стыдно. И как им только удастся в полевых условиях всегда оставаться такими красивыми и опрятными – на форме не видно ни пятнышка грязи, разве что на сапогах немного, а подкрашенные личики благоухают духами фабрики «Новая заря», которые подарил на Новый год президент. Они, наверное, никогда не спят, а свободное от дежурств время проводят возле зеркала, спрашивая у него: «Кто на свете всех милее?» – и радуются оттого, что зеркало показывает их отражение... Ты же, как ни старайся, уже к полудню превращаешься в собрата трубочиста, который вместо печных труб лазил по грязи. На лице слой ее такой толстый, что кажется, будто это маскировочная раскраска. Ужас.

В палатке – нехитрый скарб. АКМ под подушкой держать не станешь – слишком он большой. Вот УЗИ еще можно. Но они годятся только для уличных и комнатных разборок. Автоматы выстроились возле стенки палатки. Стенки такие податливые, что видно, как по ним гуляет ветер, перекатываясь волнами. Пробраться внутрь у него никак не получается. Из-за этого он злится и поджидает солдат возле порога. Только откроешь мембрану, как лицо тут же обожжет холодом, хоть обратно лезь, кутайся в одеяло и сиди там безвылазно.

За ночь в палатке так надышали, что воздух загустел, стал почти непрозрачным. Его хотелось раздвинуть руками, разогнать. Свет лился через окно, заделанное полиэтиленом – таким же прозрачным, как бычий пузырь, который использовали в своих избах древние славяне. Поэтому в палатке всегда полумгла, будто время застыло здесь примерно через час после рассвета.

Капитан натянул холодную форму. Грязь и пот на ней засохли. Она напоминала брюки «джентльменов удачи», угодивших в цистерну с цементом. Кондратьев влез в ботинки, крепко зашнуровал их, чтобы нога не ходила ходуном. Пусть уж лучше окажется в колодке. Грязь отваливалась от подошв кусками. Пластилиновая страна. Капитан, чтобы не очень напачкать,

поспешил побыстрее выбраться из палатки. Разумнее было бы взять ботинки в руки и надеть их уже на улице. Но он подумал об этом слишком поздно.

Глотнув морозного воздуха, он чуть не задохнулся, как от слишком крепкого спиртного. Мороз опалил ноздри и горло. Из глаз покатились слезы, веки тут же слиплись. Он протер глаза рукой. Теперь лишь ресницы цеплялись одна за другую, но смотреть было можно. Высоко в небе прошел вертолет. Капитан проводил его взглядом, задрав голову вверх. В шее что-то хрустнуло. На лицо упало несколько снежинок. Они тут же растаяли.

БМП походили на стадо встревоженных коров. Они громко верещали, рыли землю гусеницами, фыркали, выплевывали клубы дыма. Причину этого беспокойства Кондратьев не знал. Может, пока он спал, что-то стряслось и вместо обещанного после окончания боев отдыха их вновь бросают на выполнение какого-то задания? Но если б один из отрядов, заблокированных в горах, прорвался на равнину, капитан узнал бы об этом одним из первых, и если его не подняли ночью по тревоге, значит – ничего плохого не случилось. И все же...

Капитан осмотрелся повнимательнее. Солдаты прибирали лагерь, наводили чистоту, будто ждали высшее командование из федерального центра. Обычно у него так мало времени на осмотр, что военачальники успевают только оценить внешний вид и, уже исходя из этого впечатления, расставляют свои оценки той или иной части. Победитель имел все шансы получить внеочередное звание. Хотел ли полковник стать генералом? Конечно! Командующий пожаловал, министр или, о Господи, сам президент, который отличается непредсказуемым поведением и может в течение одного дня выступить перед депутатами нижней палаты парламента с поздравительной речью по случаю наступления Нового года, а потом прилететь в истребителе на часок в Истабан.

Рассудив, что если он и впредь будет стоять возле палатки, как истукан, то ничего путного не узнает, капитан двинулся к штабу полка.

Заходить в штаб желания не было. Из головы все еще не шел недавний разговор с полковником. Отвлекать его, без веской на то причины, от важных и безусловно государственных дел было бы неправильно. Но все же надо напомнить ему о свете в горах.

Как назло, ни одного офицера на глаза не попадалось, точно все они вымерли, а солдаты, оставшись без присмотра, занимаются непонятно чем.

Дверь штаба – небольшого фургончика на колесах, привезенного сюда гусеничным тягачом, резко отворилась. Поспешит капитан немного – она угодила бы ему прямо по носу, и тогда точно не обойтись без посещения санчасти. Кондратьева чуть не сбил пулей вылетевший полковник. Их встреча напоминала бы столкновение локомотива с легковым автомобилем – все-таки полковник был куда как массивнее капитана. Солдаты смеялись, что если полковник сядет на броню, то она не выдержит его веса и прогнется. Но Кондратьев сумел увернуться.

Красноватые от бессонницы глаза полковника горели от возбуждения. Он зыркал по сторонам, и казалось, что его взгляд может испепелить не хуже, чем лазерная пушка из фантастического фильма. Шинель он не застегнул, а только набросил на плечи. Ветер тут же разметал ее полы. Из-за этого полковник стал похож на летучую мышь. Еще капюшон и маску вместо меховой шапки – тогда он станет новой разновидностью бэтменов. Раньше они встречались здесь только цвета хаки.

– Господин полковник, разрешите обратиться? – перехватил командира полка Кондратьев.

– Обращайтесь, только очень быстро, – полковник остановился.

– Можно узнать, что происходит?

– Можно, – полковник сделал паузу, – объяви своим, что к нам пожалует некто лорд Дрод – член британского парламента от оппозиционной партии. Ты же знаешь, что он приперся в Истабан с инспекционным визитом от Совета Европы.

– Не знаю, господин полковник. В последние дни телевизор смотреть не удавалось, радио тоже не слушал, а газеты все недельной давности.

– Серость! Хоть лекции вам читай. Короче, будешь со своими солдатами крутиться неподалеку от лорда. Он решил посмотреть, как мы живем. Может, с кем-то захочет побеседовать, спросить, как мы тут воюем. Отвечать четко. Террористов – уничтожим. Все мировое сообщество за это нам должно сказать спасибо. Мирное население нам радо, встречает как освободителей. Понял?

– Понял, господин полковник.

– И смотри у меня, без фокусов. Лорд по итогам визита будет доклад делать в Европейском парламенте. От него зависит, оставят ли нас в этой организации или выгонят в шею.

– Нам нужен этот Европейский парламент?

– Не знаю. Но, если политики хотят, чтобы мы в нем состояли, значит, нужен. Лорда ждем к полудню. Кстати, телевизионщиков будет много, сколько, не знаю, но много – и наших, и иностранных. Станете телезвездами. Что сейчас делают твои солдаты?

– Письма домой строчат, думаю. С компьютерами у нас слабовато. Приходится по старинке – на бумаге.

– Вот видишь, а так смогут передать привет родным прямо на камеры. Телевизионщики это любят. Да, приведи себя в божеский вид, а то на свинью похож, которая в грязи валялась.

– Господин полковник, можно еще один вопрос?

– Утомил ты меня, задавай.

– «Стрекозу» бы послать – горы проверить. Помните, вчера я об этом говорил, или хотя бы вертолетчиков.

– Забудь, – отмахнулся полковник, – «стрекозы» заняты, вертолетчики тоже. Все оберегают лорда. Не дай бог, что с ним случится. Скандал выйдет мировой. Если он ногу подвернет или нос расквасит – сраму не оберешься. Скажут: «Не смогли уберечь единственного лорда. Позор». Так что охранять его будут, как президента. Горы завтра посмотрим. Никуда они не денутся.

Никакого пятновыводителя у Кондратьева не было, тем более времени, чтобы элементарно постирать форму, а потом вывесить ее сушиться на солнышке. Вернуть ей былой вид он не сможет, сколько угодно ломай над этим голову. Предстать перед знатным, а может, и не очень знатным, но все же вхожим в королевский дворец лордом таким босяком, место которому не в приличном обществе, а на окраинах большого города, где расплодились помойки и кормящиеся на них бездомные, стыдно, как и ронять честь мундира русского офицера, который с одинаковой легкостью может окрутить дочку богатого коммерсанта, станцевать модный танец на великосветском приеме, сыграть на пианино и... что там еще входит в джентльменский набор? Волей-неволей пришлось выбивать из формы засохшую грязь. Денщика у Кондратьева не было. Через полчаса кропотливой работы форма хоть и не дотягивала до того, чтобы назвать ее чистой, и в операционную его ни в коем случае в ней не пустили бы, но зато грязь теперь была не видна, сливаясь с маскировочными пятнами.

Солдаты решали ту же проблему. Очень скоро они нашли компромиссный вариант. Если на форму накинуть белый маскхалат, то вид в результате получался недурственный. Предвкусная сомнительное развлечение, солдаты не сильно, больше себе под нос, чем на публику, ворчали, что накануне визита лорда надо было привезти сюда кремлевскую роту. Уж от нее-то, от ее вида, британский парламентарий остался бы в восторге.

Сказать точно, когда приедет лорд, было нельзя. Он мог где-нибудь задержаться и появиться уже к вечеру или, напротив, сперва ринуться в распоряжение части и только затем отправиться по другим объектам.

– А разговаривать с ним можно? – спросил Голубев.

– Не воспрещается. Только Голубев, умоляю, не выдай ему какой-нибудь государственной тайны. Тебя же тогда, а заодно и меня, засудят, как предателей Родины.

– Это что же, лорд шпион, что ли?

– А вот этого я тебе не говорил, – сказал капитан, – у него официальный визит. Он представитель оппозиционной партии. Никто, видимо, в родном парламенте его в грош не ставит, вот он и хорохорится за границей. Хоть здесь, среди безграмотных русских туземцев, которые окромя лаптей, медведей, да шей с кашей, ничего в жизни не видали, он хочет почувствовать себя фигурой значимой. Наши все для этого делают. Сопровождение ему дали такое, точно он премьер-министр Англии. Я думаю, он и в Новую Зеландию поехал бы, если б его так же встречали, но там его встретили бы попроще, а может, и совсем не заметили. Оттого, как он себя здесь поведет, зависит, заметят ли этот визит у него на острове. Рейтинг свой повышает за наш счет.

– Знакомо. У нас буянят тоже в основном партии, которым в Думе и места-то не нашлось. Забудут о них, если иногда не поскандалить. Значит, лорд тоже будет скандалить?

– Не исключено. Но он будет делать это вежливо.

– Как это? Наденет белую перчатку, отвесит мне пощечину, а я, вместо того, чтобы огреть его прикладом, должен подставлять другую щеку? – усмехнулся Голубев.

– Надеюсь, до этого не дойдет. Он станет выпытывать, не гонят ли тебя командиры в бой силком, а может, ты хочешь отсюда поскорее убраться, но боишься, что если убежишь, тебя поймают и накажут. Загонят в Сибирь лес валить. Судя по его выступлениям, он еще не понял, остались ли у нас лагеря для политзаключенных или их уже нет. Но не бойся. По-русски он знает слов десять. Общаться будешь через переводчика. Мы тебя остановить успеем, а переводчику объясним, как все правильно перевести.

– Отсюда я хоть сейчас уехал бы, – грустно протянул Голубев, – но ведь опять зараза эта разведется. Видел я, что они и здесь и в соседних губерниях делали. А тайн я никаких не знаю. Ну, машине, на которой мы ехали сюда, двадцать лет. Какая это тайна? Справлять ее юбилей будем? Это скорее от начальства надо оберегаться, а лорда на юбилей можно и пригласить. Они, иностранцы, когда водки немного глотнут, становятся добрыми такими, компанейскими, пробуют песни наши горланить на свой манер.

– Слово «водка» он, скорее всего, знает, так же как «виски» или «текила». Вид у него такой, что за воротник закладывать должен. По поводу тайн? Знаешь, бывают случаи, что возбуждают уголовные дела против тех, кто передал иностранцам информацию, которую узнал из журнала «Моделист-конструктор», и денег получил за нее – гроши. А вот те, кто по-крупному промышляли, – к тем никаких претензий. Странно все это. Но про машину лучше не говори, не стоит. Приедет лорд домой, начнет направо и налево трезвонить, что у русских на вооружении техника, которую можно в антикварный магазин сдавать. Все-таки на салонах мы им носы-то утираем, да и в Косово с Боснией братьям сербам послали не самую плохую технику. Пусть НАТОвцы и дальше думают, что у нас этого добра завались, ну просто девать некуда, что перестройка и конверсия нашу армию несильно подломила. Парламентариям европейским такая информация будет неинтересна, но, думаю, вернувшись, лорд будет общаться не только с ними.

– Да знают они все прекрасно. Лучше нас знают, – сказал Голубев, а потом добавил: – Ладно, скажу, что больной скорее жив, чем мертв.

– Да, как только лорд нас увидит, он так и подумает. Мы тебя делегируем с ним пообщаться. Готовь речь.

– Есть.

Слушая этот разговор, егеря улыбались. Они отдохали, расслаблялись после нескольких очень трудных суток. Сейчас про них лучше забыть. А вспоминать – когда вернешься домой, соберешься с друзьями за столом и начнешь рассказывать о том, как все было, немного при-

вирая, конечно, как это часто бывает с рыбаками, которые уверяют, что поймали чуть не кита, а на самом деле выловили рыбку... чуть поменьше. Может на ладони уместиться.

Первым делом лорд Дрод заглянул в фильтрационный лагерь. Десантники к его приезду успели отоспаться. Настроение у них поднялось. Все заблаговременно высыпали из палаток. Им только хлеба с солью не хватало. «Эх, плакат-то мы забыли нарисовать, – всерьез подумал Кондратьев, завидев вертолеты в небесах, суету в лагере и тень приближающейся кавалькады. – Что-нибудь типа: “Welcome lord Drod!”»

Это упущение исправлять было уже поздно.

«Ну да ладно, обойдется. Не обеднеет страна, если кредитов не дадут. Может, лучше даже будет. Своей головой думать станем, а то отвыкли как-то. Все на добренького дяденьку надеемся. Да и чему нас этот дяденька научит? Сам-то он учился совсем плохо. Какая империя у него была, а теперь что осталось? Ничего. Одни воспоминания».

Корней Иванович Чуковский предвидел подобную ситуацию, но все перевел на детский язык. Теперь приходилось переводить обратно. Медведями, ехавшими на велосипеде, очевидно, были спецназовцы, облепившие броню БТРа, хромой собакой – представительская «Волга», выкрашенная в традиционный черный цвет и поэтому очень заметная. На крыше у нее была установлена массивная, но пока бездействующая мигалка – и без того все старались обойти кавалькаду стороной, будто она была переносчиком чумы или холеры. Следом за «Волгой» тянулась стая разномастных иномарок. Их водители уже смирились с тем, что передвигаться приходится со скоростью черепах. Но лучше так, чем оказаться в кювете, из которого тебя вытащат, когда на помощь подойдет танк или БМП. Среди иномарок затерялся микроавтобус «Фольксваген-Транзит». На нем-то и ехал лорд Дрод.

Это был самый лучший микроавтобус, который удалось отыскать в Истабане. Но ни одно чудо иностранной автоиндустрии не может долго сопротивляться дорогам, которые в течение последних нескольких месяцев перемальвали гусеницами бесчисленные орды танков, бронетранспортеров, БМП и еще кое-какой техники, о существовании которой знать лорду не стоило. Его изрядно потрясло на кочках и рытвинах. Может, выступит с инициативой перед европейскими парламентариями – выделить безвозмездно некоторую сумму на восстановление дорог в Истабане. Но вряд ли от него можно ждать такого подарка. В лучшем случае деньги дадут под приличные проценты.

Кавалькада остановилась. Кто был тараканом – пока оставалась загадкой.

В отдалении барражировали вертолеты, словно их пилоты стеснялись подобраться поближе к эпицентру событий и были вынуждены наблюдать за ними издали.

Пока лорд приходил в себя после поездки, пространство перед его микроавтобусом заполнили добры молодцы ростом метра по два. Они оказались увешаны таким количеством разнообразного оружия, что находиться рядом с ними было страшно. Вдруг рванет что-нибудь? Начнется цепная реакция. Глубокие тогда будут воронки. От тяжести даже их метровые в обхвате плечи немного клонились к земле, будто на них была еще возложена миссия поддерживать небесный свод, вместо отправившихся на пенсию атлантов. Увидев это оружие, егеря закусили от зависти губы. Мобильный отряд, сопровождавший британского посланника, вполне мог разметать в пух и прах небольшое соединение истабанских террористов, если те вдруг надумали бы захватить лорда в плен, чтобы затем попросить за него выкуп. В российском бюджете статьи на расходы, связанные с выкупом лорда, предусмотрено не было, как, впрочем, и на эту поездку тоже. Поговаривали, что для того, чтобы организовать ее, пришлось кого-то лишить премиальных. А вот для британской казны лишние два-три миллиона фунтов – такая малость. Но Истабан жителей Туманного Альбиона интересовал мало. Куда важнее для них были вопросы, кто же станет чемпионом премьер-лиги и завоюют ли английские клубы какой-нибудь из европейских футбольных кубков, а может, и не один. В последние годы трофеи эти

увозили то испанцы, то итальянцы, а британским болельщикам, известным своим неумным нравом, оставалось лишь вымещать злобу на обитателях стран-победительниц.

Из иномарок высыпали высокопоставленные представители администрации, министерств обороны, иностранных и внутренних дел. Затем из автобуса резво выскочил лорд Дрод. За этим процессом внимательно наблюдали в объективы телекамер с десятков операторов. Лорд лучезарно улыбнулся в пространство, пока еще не решив, кого он должен покорить этой улыбкой. И тут он заметил девушек-радисток. Они выбрались из своей палатки, чтобы посмотреть на иностранца. Событие чем-то напоминало приезд зоопарка или цирка-шапито в захолустный городишко. Именно на девушек обрушилось все обаяние лорда, весь его лоск. Они устояли, прыснули, отвернувшись, чтобы не смущать иностранца и не ухудшать международное положение. Лорд смекнул, что наткнулся на преграду, на разрушение которой уйдет слишком много времени, может, и всей его жизни для этого не хватит, а он надолго задерживаться здесь не собирался, поэтому предпочел заняться менее стойкими твердынями.

Лорд оказался внешне худосочным, похожим на преподавателя изящной словесности, место которому в старом университете – в его тихих, уютных библиотечных залах, покрытых слоем многолетней пыли из-за того, что современная молодежь предпочитает книгам другие носители информации. Однако этот щуплый человек, которому, окажись он в метро или в нашем автобусе, непременно уступили бы место, вклинился в толпу с решимостью нападающего хоккейного клуба профессиональной лиги, рвущегося к воротам противника и расшвыривающего в стороны защитников, мешающих ему забросить шайбу в сетку. Становилось страшно от мысли, что тонкая металлическая оправа с толстыми стеклами, увеличивающими размеры его глаз, слетит с изящного прямого носа, упадет в грязь, и ее непременно кто-нибудь раздавит. Но спецназовцы надежно прикрывали своего «центрфорварда» с флангов.

Лорд едва доходил до груди солдатам из охранения, окружавшим его со всех сторон. Если бы вокруг собралась большая толпа, как на митинге, да задние ряды, которым ничего не видно, надавили на спины передних, сплюснув лорда между солдатами, то он стал бы похож на котлету в гамбургере. Но массовой на этом митинге были в основном официальные представители и, чтобы услышать или увидеть иностранца, в спину друг друга они не пихали. Повезло лорду.

Вообще-то, все это очень напоминало визит уже немного выжившего из ума богатенького и старенького родственничка, который еще не знает, кому завещать свои денежки, поэтому все стараются убажить его и выполнить любой каприз. Вот только деньги-то на самом деле не его.

Лорд Дрод нахлобучил на лысую голову некое подобие колониального пробкового шлема, обтянутого шелком. Казалось, что он приехал на охоту в одну из подвластных ему территорий, но по рассеянности забыл в метрополии ружье. Это упущение легко исправлялось. Любой солдат охранения с радостью расстался бы с частью своей ноши, снабдив лорда гранатометом или автоматом, из которого вмиг убьешь слона, тигра или даже мамонта с динозавром, если таковые вздумают показаться охотнику на глаза. Лорд, видимо, еще не понял, что звери эти здесь не водятся и охоту ему могут устроить разве что на горных козлов или, если уж ему захочется, на засевших в горах террористов. Но в этом случае, конечно, надо избавиться от прессы, чтобы она не могла скомпрометировать непорочное имя лорда.

Солдаты охранения мучились с Дродом уже несколько часов. Всерьез они его не воспринимали и, посмотрев на британца, тут же отводили взгляд в сторону, утыкали лица в ладони, чтобы заглушить смешки и спрятать то и дело возникающую ухмылку.

Лорд с самого начала поверг их в крайне не соответствующее серьезности обстановки состояние. Он спросил у задержанных боевиков, которые временно, пока идет предварительное следствие, содержались в фильтрационном лагере, успели ли они поговорить со своими личными адвокатами. Истабанцы помалкивали в ответ. Это можно было расценить как то, что они не поняли переводчика. Дрод повторил вопрос. Один из задержанных был, судя по документам, турецкоподданным, приехавшим в Истабан преподавать Коран в одном из мест-

ных медресе, при этом, правда, он едва изъяснялся на арабском, а из священной для каждого мусульманина книги знал лишь несколько цитат. Смекнув, что лорд воспринимает обстановку неадекватно, он принялся плакаться, что их очень плохо кормят, того и гляди с голоду начнешь пухнуть. Похоже, у него этот процесс уже начался. Очень он был опухший. От жира.

От таких речей Дрод сильно возмутился, топнул ногой, и из него полился словесный поток, из коего следовало, что русские грубо нарушают права человека. Турок же вначале хитро улыбался, но потом стал изменяться в лице. Он понял, что лорд вскоре уедет и забудет обо всем, а вот русские могут на нем отыграться. Оставалось ему надеяться, что турнут его под зад ногой, как иностранца, и не будут связываться, чтобы не портить с Турцией отношений...

Лорд трепался. Солдаты охранения тихо делали ставки – сумеет ли он до конца своей поездки сотворить еще что-нибудь несусветное. Начало было впечатляющим...

Официальные представители в двух словах объяснить лорду некоторые элементарные вещи не могли, поэтому предпочитали поддакивать, полагая, что британец впал в старческий маразм, поэтому ему во всем надо потакать, а то, не ровен час, случится истерика или того хуже – припадок.

Лорд Дрод напоминал им доброго дедушку. Общаюсь с ребятишками в лагере для беженцев, он спрашивал, вкусную ли они едят кашу. Лицо его при этом делалось приторно-сладким, как у деда Мороза, который спрятал за пазухой шоколадку и готов был отдать ее ребеночку, как только тот ответит на вопрос, но затем отчего-то шоколадку давать передумал. Ответ, наверно, ему не понравился.

Совсем с другим выражением на лице общался лорд с сопровождающими его военными. Лицо Дрода становилось словно высеченным из камня. Он думал, что выглядит несокрушимо, как античный герой, а на самом деле его физиономия напоминала карикатуры из старых журналов, высмеивающие капиталистов, наживающихся на эксплуатации рабочего класса. Тьфу, нечисть...

Полковник в глубине души плевался и прямо-таки сходил с ума от желания высказать лорду все, что он о нем думает, но внешне столь негостеприимные его настроения никак не проявлялись. Прежде чем его оттеснили от лорда, он успел бросить ему краткое приветствие «Good day. How are you?» и даже получить на это какой-то ответ, но не разобрал какой, после чего их диалог прервался. Полковник верил, что навсегда. Кондратьев ухватил промелькнувшее на лице полковника выражение. Его можно было описать одной фразой: «Поскорее бы этот цирк закончился». Не любил командир полка официальных визитов, особенно таких, считая, что толку от них никакого и, кроме лишней нервозности, ничего они не приносят. Но поди, расскажи все это лорду. Он-то убежден в важности своей миссии, думает, что выполняет нужную работу, и не хочет понять, что на самом деле он здесь сильно мешает. Но пусть это втолковывают ему дипломаты – мягко и не обидно. Капитан подмигнул полковнику, показывая жестом, что все в порядке и не стоит так расстраиваться. Полковник отмахнулся, но скорбное выражение на его лице немного смягчилось.

Лорд хотел было проскочить малочисленный пикет истабанских женщин, топтавшихся возле входа в лагерь, но одна из них ухватила его за рукав куртки, что-то заверещала, часто сбиваясь от волнения, а переводчик все никак не мог уловить смысл сказанного и тоже запынчался. К разговору подключились и другие женщины. Лорд притормозил, с минуту внимательно слушал не столько переводчика, сколько женщин, пробуя, видимо, по мимике и жестам догадаться о том, что они говорят. Понять их было нетрудно, говори они хоть на языке давно вымершего народа. Женщины жаловались, что дома их разрушены, работать негде, денег нет, есть нечего, мужа у кого погибли, у кого пропали без вести, у кого воюют, а гуманитарной помощи, которую привозят сюда различные организации, на всех не хватает. Живут они в палатках – там бывает холодно. Палатки эти почти такие же, что и у солдат, но тем проще – у них жены с детишками в России остались, да и еду горячую солдаты получают регулярно, а беженцы –

нет. Здесь они были не правы. Солдаты, особенно те, кто днем и ночью обстреливал засевших в горах боевиков, тоже горячую пищу получали не каждый день, а голод утоляли тушенкой и хлебом. Но никто женщин перебивать не стал. Пусть выговорятся. Им действительно было плохо.

Лорд кивал, хмурился, потом стал похлопывать остановившую его женщину по плечу. Она так разнервничалась, что голос ее вначале сорвался на крик, а потом она охрипла и готова была расплакаться. Уткнувшись в плечо Дрода, женщина что-то всхлипывала. Переводчик прислушивался к ее бормотанию, выуживая отдельные слова, но чаще непонимающе разводил руками.

– Я разберусь во всем. Я помогу, – сказал лорд.

«Тоже мне, нашелся Спаситель, – скривился капитан, слышавший слова Дрода. – Можно подумать, он одним своим словом способен остановить здесь войну, отстроить разрушенные селения, дать всем работу и помирить. Он и накормить-то никого не сможет. Зато армейские повара готовят с утра до вечера. Помимо солдат мирных жителей еще кормят. Перед раздачей пунктами каждый день выстраиваются длинные очереди. Тут уж не до кулинарных изысков. Приготовить бы хоть что-нибудь, что голод уймёт. Но лорд считает нас, наверное, захватчиками. Он-то помнит, какой была Британская империя, превратившаяся из Пенителя морей в антикварный магазин, где на пыльных полках красуются сокровища, когда-то вывезенные из утраченных колоний. Завидует он России. Зависть свою высокими словами прикрывает. Россия-то, несмотря ни на что, по-прежнему огромная и по-прежнему Великая. Последняя Великая империя мира. Как бы она ни называлась. Последняя – из четырех. А Истабан – не колония. В России колоний нет, и не было. Россия – это Россия. Кто захочет урвать кусок – глотку перегрызем. В соседних губерниях за такое посягательство глотку рвали, и здесь уже начали. Лорд ничего не сделает, посотрясает воздух, а потом, когда увидит, что небеса висят по-прежнему и не падают от его слов на землю, когда все здесь начнет успокаиваться, хотя пройдет еще много лет, прежде чем это произойдет, лорд тоже успокоится и займется какой-нибудь другой проблемой – станет бороться за права сексуальных меньшинств или за запрещение клонирования человека. Ему надо оставаться в центре политических процессов, иначе его забудут».

Женщина все продолжала всхлипывать, от плеча британца не отрывалась, а того, что сказал ей лорд, наверное, было слишком мало. Дрод не знал, как ему выйти из этой ситуации. Так можно было простоять очень долго, а ему еще хотелось посмотреть часть. Дрод поднял глаза, посмотрел на переводчика. Тот все понял, кивнул.

Женщину мягко отгеснили от лорда, приклеили к кому-то другому, а она, похоже, этого и не заметила, продолжая причитать и жаловаться.

На территорию военного лагеря женщин не пустили. Они не очень и настаивали, понимая, что это закрытая зона, и наблюдали за происходящем со стороны. Совсем как вертолетчики.

Но лорд сильно выбился из графика. Остаток визита прошел как-то скомканно, в спешке. Дрод бегло пробежал взглядом по рядам БМП, по палаткам, направился к одной из них, видимо, намереваясь заглянуть туда, но потом передумал, махнул рукой, развернулся, что-то сказал сопровождающим и двинулся обратно к микроавтобусу.

– Так себе старикашка, – разочарованно сказал Голубев.

– Ты же с ним не поговорил, – сказал капитан.

– Жалко. Когда еще такой шанс представится.

– Сплюнь.

Голубев сделал вид, что трижды плюнул через левое плечо.

– Что это первая рота засуетилась? – неожиданно встрепенулся он. – Оса их, что ли, в одно место укусила? – ответа на вопрос егеря не ждал.

Солдаты выскакивали из дальних, расположенных у края лагеря, палаток, наспех застегивали куртки, забирались на БМП. Лорд, услышав рев заработавших двигателей, остановился, как вкопанный, точно наткнулся на невидимую преграду, повернулся, а потом удивленно, через переводчиков, стал выяснять у сопровождающих его официальных лиц, что происходит.

«Ну что еще там? – нервничал Кондратьев. – Разве нельзя было дождаться, пока лорд не уедет, а то вот останется теперь выяснять, отчего такая суета началась».

Что там наплели Дроду – неведомо, но ответами он, видимо, остался доволен, коротко рассмеялся и уже без всяких сомнений отправился к микроавтобусу. Следом потянулась многочисленная свита.

Кавалькада стала быстро удаляться, точно место это ей было до омерзения противно. Капитан хотел проследить за ней взглядом, пока она не сольется с горизонтом, но к нему подбежал батальонный командир майор Выхухолев. Шинель – нараспашку, спина немного согнута, руками хватает полы шинели, чтобы не сильно развевались, и балансирует, чтобы не упасть, лицо – красное, разгоряченное – то ли из бани, то ли немного выпил, но спиртным от майора не пахло. Взгляд его был немного ошалелым, но явно не от обилия генеральских звезд на погонах, которые он несколько минут назад имел честь лицезреть.

– По машинам – быстро! В селе за горкой идет бой. Девятая рота там, похоже, крепко завязла. Наткнулись на огромный отряд боевиков, – майор говорил с одышкой, не успев восстановить дыхание, из-за этого он запинаясь.

– Есть! – бросил капитан.

– Кондратьев, – майор остановился, – я считаю, что использовать егерей в зачистке села все равно, что, как говорил Менделеев, топить печку ассигнациями, но сверху пришла директива – твоих людей отправить в первую очередь. Думаю, что операция будет необычной. Напролом не полезем. Ну, там будет видно.

Майор побежал поднимать по тревоге остальных. По громкой связи делать это пока боялись – вдруг лорд услышит.

«Какой огромный отряд? Откуда? – недоумевал Кондратьев. – Село-то вот уже три недели как зачищено, и ничего там не нашли, кроме нескольких автоматов, припрятанных в сараях да подвалах. Это простительно. Время беспокойное. Каждый думает о своей защите, а автомат в таком случае в хозяйстве – вещь незаменимая, нужнее, чем грабли и вилы. Автоматы – конфисковали. Владельцев даже наказывать не стали. Откуда боевики-то там появились? Из-под земли выползли, или из воздуха материализовались?»

Но времени на все эти вопросы, да и на их обдумывание, не было. Он вскоре обо всем узнает. До села очень близко. Только бы лорд не узнал об этом, еще взбредет старому пердуну в голову посмотреть на боевые действия. Не гладиаторы мы, чтобы с трибуны за нами наблюдать, и за лордом глаз да глаз будет нужен, а то залезет, куда не надо.

Глава 4

БМП стала уклоняться влево, переваливаясь через высокие сугробы, ограждавшие дорогу с двух сторон, как бордюрные камни. Дорога была очень узкой. Двум машинам на ней не разъехаться, если они встанут лоб в лоб. БМП перекосило, на колее осталась лишь левая гусеница. Такой же маневр чуть ранее проделали идущие впереди машины, чтобы уступить дорогу мчавшимся навстречу двум БТрам. Капитан заметил, что у первого закоптился левый бок. Видимо, взрыв прогремел рядом, по броне ударили только осколки, и ее опалило огнем, подпортив внешний вид, но не причинив особого вреда. На втором БТре повреждений вообще не было заметно, но капитан не видел, что творилось у них на другой стороне. Хорошо бы бронетранспортеры остановились, тогда появится шанс разузнать, что же происходит в селе и на его окраинах.

Приблизившись к колонне, БТРы сбавили скорость, выползли на обочину. Их затрясло мелкой дрожью, а колеса несколько раз провернулись вхолостую, почти не продвинувшись вперед, пока они пробивали себе дорогу в сугробах, – они разметали их, точно снегоуборочные машины, проскочили стороной колонну бронетехники и вновь вернулись в колею. Капитан, провожая их взглядом, мог ручаться головой, спорить с кем угодно, что в бронетранспортерах сейчас были раненые, которых везут в госпиталь.

На обочине валялась бетонная стела, присыпанная снегом, так что сперва ее можно было бы принять за обычный сугроб, но уж слишком угловатым он был.

К селению, как медведи на запах разлившегося меда, стекалась бронетехника, очень разная. От танков до минных разградителей. Приказ был – обложить селение со всех сторон, ни в коем случае не лезть туда до тех пор, пока обстановка не будет разведана, пока не подвезут гаубицы и пока не подойдет пехота.

Над селом кружила пара МИ-24, но несколько дымных столбов, поднимавшихся почти до небес развесистыми кронами и начинавших возле основания густеть, меняя цвет с темно-серого на черный, – не их работа. Вертолетчики вообще не сделали пока ни одного выстрела. Они спустились уже довольно низко, точно испытывали судьбу, и теперь в них, наверное, попадешь из газового баллончика, уж из дамского пистолета – точно, хотя дамы, ежели таковые находились в составе бандформирования, отдавали предпочтение громоздкому снайперскому ружью.

На окраине села в одиночестве стояла БМП. Пулемет у нее был слишком задран вверх, точно он собирался обстреливать воздушные цели или вершины гор. Но до гор, поросших казавшимися очень тонкими и чахлыми деревьями, похожими на нездоровые волосы на лысеющем черепе, было так далеко, что ни о какой прицельной стрельбе речи быть не могло. Скорее всего, пули вообще не долетят до них, ослабнут где-то на подлете и упадут на землю дождем. В селе большинство домов были одноэтажными, так что задрать высоко пулемет, чтобы, к примеру, снять боевика, засевшего на чердаке, не стоило.

Чуть позади бронемашин в снегу чернела воронка, будто это был ход в подземный мир, куда тролли, гномы или кто там еще живет, хотели утащить одну из гусениц бронемашин. Но она оказалась для них слишком тяжелой, они ее бросили. Наполовину гусеница свалилась в воронку, наполовину лежала на снегу, как фантастическая железная змея, которая застыла, выползая из норы.

Другую гусеницу сорвало чуть позже, вместе с передним катком, прямым попаданием гранаты. Еще какое-то время БМП двигалась на одних катках, а потом застряла, погрузившись в снег и землю почти до днища. Между днищем и землей остался очень маленький просвет – люк, может, и откроешь, но вряд ли протиснешься в образовавшуюся щель, а это значило, что экипажу пришлось выбираться через задние двери и крышу кабины.

Вокруг БМП на снегу виднелись еще три черных проплешины, но снег до земли они не проели, а еще там было несколько уже начинавших темнеть красных пятен.

БМП немного занесло в сторону, развернуло боком, точно ее водитель, развил слишком большую скорость, а потом не справился с управлением на плохой и скользкой дороге. Ее внесло прямо в деревянный забор. Бронемашинка подмяла его под себя, перемолов катками доски в щепки.

Угол одноэтажного дома, в сад перед которым вломилась БМП, был снесен взрывом, в стене зияла пробоина, все стекла вылетели, в рамах осталось только несколько острых осколков. Вокруг дома были разбросаны кирпичи, куски стекла, точно осколки шрапнели. Снег припорошила кирпичная пыль. Угол обвалили, видимо, гранатометом, дыру в стене проделали тем же орудием. Пушка с первого же выстрела превратила бы строение в неузнаваемые развалины. Дом через дорогу, тоже одноэтажный, сохранился чуть лучше, хотя и в нем почти не осталось

стекло, а на кирпичной стене отчетливо виднелись выбоины от пулеметной очереди. Она проходила прямо через пустующую оконную раму, из которой выползал слабенький черный дым.

Один из танков сунулся в село, чтобы вытащить эту БМП, но не добрался до него, получив три попадания, и убрался восвояси – все равно живых в бронемашине не осталось.

Влево от БМП метрах в пятнадцати, прямо возле еще сохранившейся ограды, зеленел холмик. Снег не шел, холмик еще не засыпало, а от него к бронемашине тянулось два ряда небольших лунок. И без бинокля было понятно, что это.

Подошедшие БМП стали веером растекаться вокруг села. Следом примчалось два крытых грузовика, из которых сразу же, как только они остановились (водители еще не успели даже заглушить двигатели), высыпало человек тридцать десантников.

«Ого, и конотопцев сюда прислали!» – присвистнул капитан, рассмотрев нашивки. Основные силы этой части располагались километрах в десяти к северу от села.

– Привет, коллеги, – сказал Кондратьев.

– Здравия желаю! – откликнулся лейтенант конотопцев, который, судя по всему, возглавлял этот небольшой отряд. – Не скажете, что здесь стряслось?

– Почти ничего не знаю, лейтенант. Говорят, банда. Но сколько их – понятия не имею.

– На вид село такое мирное, – протянул лейтенант. – Черт, БМП нашу пожгли, сволочи. А село это я сам зачищал. Никого здесь не было, – он полез в нагрудный карман комбинезона, достал непечатую пачку сигарет «Золотая Ява», содрал целлофановую обертку, распечатал пачку и протянул ее капитану.

– Спасибо. Бросил я, – сказал Кондратьев.

– Завидую, – лейтенант достал сигарету, закинул ее в рот, быстро прикурил от одноразовой пластмассовой зажигалки, затянулся. – А я вот все никак не могу отвыкнуть, – он посмотрел на тлеющий огонек на кончике сигареты, – кубинские сигары, конечно, лучше, но уж очень долго их курить. Нет на них сейчас времени. Вам-то как удалось бросить? Испугались умереть от рака легких?

– Нет. Просто разонравилось.

– Надо покурить какой-нибудь трофейной американской дряни. У боевиков ее много попадается. Может, и мне разонравится.

Село вымерло. Даже собаки не таякали – попрятались куда-то. Все его жители, догадываясь, что может последовать вскоре после появления на окраинах села федеральных сил, на улицы не выходили, схоронились в подвалах.

Пока можно было составить лишь предварительную картину того, что здесь произошло. Но похоже, что командир девятой роты конотопских десантников старший лейтенант Павел Лангов страдал легкой формой ясновидения. Никак иначе не объяснить то, что он неожиданно решил изменить запланированный маршрут, сделал небольшой крюк и оказался возле села как раз в тот момент, когда в него втягивался хвост колонны боевиков. Десантники увидели их согнутые, нагруженные всевозможным военным скарбом спины. Боевики так быстро растворились среди домов, что их можно было принять за видения, за мираж, если б не следы, которые они оставили на дороге.

В дальнейшем интуиция подвела Лангова. Теперь уже и не узнаешь, на что он рассчитывал, если, конечно, не прибегнуть к помощи спирита. Безусловно, он не был настолько наивен, чтобы думать, что боевики, увидев его роту, побросают оружие, выстроятся вдоль центральной улицы, а потом стройными колоннами двинутся сдаваться. Вероятно, он подумал, что отряд боевиков маленький, скорее даже не отряд, а остатки разбитого отряда, численностью не более десяти – пятнадцати человек, поэтому, сообщив об увиденном, не стал дожидаться подкрепления, решил провести здесь маленькую победоносную войну и ворваться в селение на спинах боевиков. У него было десять БМП и пятьдесят человек. Кто же мог подумать, что

боевиков в селении окажется несколько сотен? Лангов так и не понял, что залез в улей и разворошил его, а стоило его БМП приблизиться к селу, как сразу три гранатометчика попробовали его остановить.

Откуда они появились – никто не заметил. Словно выбрались из нескольких нор или вообще материализовались из воздуха. От таких мыслей рука невольно тянулась переkreститься и отогнать нечистую силу. Их качало из стороны в сторону: то ли они так устали, что гранатометы стали для них слишком тяжелыми, то ли снег проваливался под ногами и боевики боялись, что упадут прямо в преисподнюю, то ли они приняли какие-то стимуляторы – кокаин или что-то попроще. Они двигались неуверенно, как по болоту, ощупывая дорогу впереди себя. Двое так и не смогли привести в действие свои адские машины. Пулеметчик срезал их одной очередью. Они уткнулись в снег, прежде чем пальцы успели нажать на курки, и стали раскрашивать снег кровью – это, кстати, доказывало, что они не фантомы. Все легче на душе. Но вот третий выстрелил-таки из своей шайтан-трубы, угодив прямо в гусеницу, а потом, когда он тоже уткнулся в снег, на хромую БМП набросилась следующая партия гранатометчиков... БМП быстро загорелась. Из нее успели выпрыгнуть лишь три человека. Лангова среди них не было.

У второго лейтенанта, на которого свалилось нежданно-негаданно счастье командовать остатками роты, хватило ума больше не геройствовать, а обиду проглотить – для этого ему пришлось до крови закусить губу. Он видел, что стряслось с первой БМП, и не стал рисковать оставшимися машинами. Село лейтенант щедро обстрелял из всего, что было у него под рукой, прикрывая отход, уцелевших десантников. Живы они остались каким-то чудом и, уже оказавшись среди своих, все никак не могли придти в себя, лепетали что-то неразборчивое, когда их спрашивали.

Рота заняла оборону, прикрывая выходы из села, но боевики молчали. Если они захотели выбраться, то остатки роты могли задержать их минут на пять, от силы – на шесть, после чего десантников смяли бы. Но им повезло. Боевики никуда уходить из села не хотели. А потом подошло пять танков из мотодивизии генерала Кормушина, чуть позже – бронемшины и пехота. В окружении своих конотопцам стало не так одиноко.

Если б не приступ ясновидения Лангова, федералы узнали бы о том, что в село вошел отряд Лабазана Егеева, на день-другой позже, а за это время боевики могли обжиться, и тогда выкуривать их из села стало бы гораздо сложнее...

Выходит, что лейтенант тот многим сохранил жизнь... Выходит, что... когда его извлекут из покоренной бронемшины, ждут его торжественные похороны с оркестром, салютом и почетным караулом...

Лабазан Егеев именовал себя генералом, но под его началом, даже в самые удачные для него времена, было не более тысячи человек, теперь же примерно вдвое меньше, так что на генеральские погоны он претендовать никак не мог, но так уж издавна повелось, что любой разбойник с большой дороги, который называет себя борцом за справедливость и свободу своего народа, приказывает всем, чтобы к нему обращались с почтительностью, не соответствующей его настоящему статусу. Даже командир шайки, состоящей из тридцати головорезов, крестнакрест опоясанных пулеметными лентами и увешанных гранатами, все равно будет требовать, чтобы его называли генералом.

Из-за места действия изменяется лишь доминирующий цвет формы у рядовых членов отряда, то он черный, то желтый, то белый – в зависимости от того, происходит заварушка в Африке, в Латинской Америке, Азии или Европе. Чтобы подтвердить свои полномочия и звание, такой самозванный генерал начинает придумывать знаки отличия собственной, пусть и немногочисленной армии, устав и традиции. Но обычно через какое-то время все заканчивается ожиданием у стенки автоматной очереди. Редко кто отступает от этого сценария.

Кондратьев, рассматривая село в бинокль, все никак не мог вспомнить – чем же оно славилось до войны. А ведь считалось селом очень богатым. Село насчитывало домов триста. Многие из них построены недавно. Кирпичная кладка была совсем новая, ярко-красная, почти не потускневшая. Кое-где дома и вовсе стояли недостроенными, а рядом с четырехугольными коробками, смотревшими на мир через пустые оконные проемы, похожие на глазницы облитого разложением черепа, лежали кирпичные штабеля, стопки досок, металлические листы, шифер, бетономешалки, корыта. Село напоминало дачный поселок, который еще не успел до конца обустроиться, – участки, что ли, раздали несколько лет назад? Может, причиной всему был финансовый кризис, заставивший многих пересмотреть возможности в сторону уменьшения своих запросов, поэтому пришлось срочно вносить коррективы в проекты строительства? Или хозяев подстрелили во внутренних разборках? Тогда на недостроенных домах должны были появиться таблички с надписью: «Продается». Кондратьев ни одной такой таблички не усмотрел.

Наверняка под каждым домом предусмотрен подвал, который на самом деле больше похож на блиндаж, где можно в относительном комфорте переждать какое-нибудь стихийное бедствие, типа штурма села федеральными войсками. Если пойти по самому простому пути, не терять время на выяснение того, кто сидит в подвале – мирный житель или боевик, обнявшийся с пулеметом, и бросать туда, как кость голодной собаке, подарок в виде гранаты, все равно работы непочатый край. Хватит на несколько дней веселой жизни с фейерверками, как на празднике, и автоматной трескотней, от которой ни на секунду не сомкнешь веки для сна. От таких перспектив на душе становилось противно. Боевики, когда их начнут выкуривать из подвалов, безропотно сидеть там и дожидаться предназначенных им подарков не захотят и тоже подготовят федералам сюрпризы. Настроение от этого портилось еще больше. Очевидно, что сводки потерь за эту неделю будут выглядеть гораздо хуже предыдущих. Это может пагубно повлиять на умы простых граждан страны и дать темы для критических статей оппозиционным правительству газетам и журналам. В центре начнется политический скандал. Круги от него докатятся и до Истабана. Хорошо бы к этому времени завершить операцию...

Дым стал светлеть. Огонь, похоже, съел все, до чего сумел добраться. Теперь он затухал. Темнело, и дым постепенно становился и вовсе неразличимым на фоне сгущающихся сумерек. Возможно, он вновь станет заметен, когда на небе появятся луна и звезды. Но к тому времени огонь уже погаснет, а дым – рассеется.

Свет в домах никто не зажигал. Село медленно проваливалось в черную бездну.

Кондратьеву показалось, что он разглядел какое-то темное бесформенное пятно, появившееся из одного двора и быстро исчезнувшее в другом – напротив. Едва ли это был человек, если только он не встал на четвереньки. «Ну, хоть собаки живы, – подумал Кондратьев, – жаль, что пес не залаял».

Командование вело переговоры с боевиками. По крайней мере, пытались вести. Все понимали, что ни к какому приемлемому результату стороны не придут. Начинать бой ночью – безумие. В село они, может, и вошли бы, но утром, когда станет хоть что-то видно, столкнешься нос к носу с боевиками и придется тогда, приветливо оскалившись, бросаться в рукопашную.

Возле гаубиц, их было уже десятка полтора, копошились артиллеристы – они оборудовали позиции, раскладывали ящики со снарядами. Артподготовку могли начинать в любую секунду. Во что превратится это чистенькое, недостроенное село после получасового обстрела тяжелыми гаубицами, представить можно очень легко, не прибегая даже к компьютерному моделированию. Оно будет стерто с лица земли, точно где-то поблизости прогремел ядерный взрыв, и взрывная волна слизнула все, что было выше полуметра. Радиационный фон только не повысится. Но разгребать завалы – волокиты много. Нужны бульдозеры, самосвалы. Где же все это найдешь? Лучше отстроить село заново в каком-то другом, не столь захламленном

жизнедеятельностью человека месте. Но это – слишком радикальные меры. Логичнее периодически посылать в село снаряд. Скажем, каждые десять минут. С тем, чтобы боевики всю ночь не смогли заснуть и наутро были уже сильно измотаны бессонницей. . . Артиллеристы, так и не дождавшись приказа, выставили охранение возле гаубиц. Стали готовиться ко сну. От пушек своих не отходили, будто ночью кто-то мог их украсть. Но для этого требовалось подогнать мощные тягачи, которые всполошили бы весь лагерь.

Ну, хватит маячить, как живая мишень, дразня снайперов. У кого-нибудь из них отыщется для тебя пуля-другая.

Солдаты, пригорюнившись, сидели на корточках, прислонившись спинами к каткам БМП. В такой позе долго не просидишь. Ноги затекут, тогда их не разогнешь. Лица отрешенные, глаза, хоть и уставились – у кого на носки своих ботинок, у кого в рыхлый снег, видят они совсем другое. Большинство потягивают сигареты, но вряд ли чувствуют их вкус. Перспективы открываются совсем не радужные. Впору писать завещание. Того, что тешило душу солдат Великой Отечественной, рвавшихся идти в атаку непременно коммунистами, солдаты российской армии были лишены. В КПРФ вступить никто им, конечно, не запрещает, да вступай хоть в ультраконсервативную партию. Но от такой демократической свободы выбора никакого успокоения в душе не появлялось. Наоборот – был и сумбур, и неопределенность.

Солдаты, докурив сигареты до фильтра, побросали окурки. Те, шипя, проели в снегу маленькие дырочки, прямо как мыши в сыре.

В первую линию оцепления они не попали. Значит, если не стрясется чего-то сверхординарного, спать на снегу им не придется, бодрствовать всю ночь – тоже. Они натянули палатки. Лагерь стал напоминать городок жертв стихийного бедствия или, что в последнее время стало более актуально, так называемой гуманитарной катастрофы. Срочно оборудовался командный пункт. Это предполагало длительную осаду. Видимо, и назавтра в село соваться не собирались. Боевиков станут брать измором, как в добрые старые времена, когда крепость обкладывали со всех сторон и ждали, когда же ее защитники начнут помирать от голода. Вот только боеприпасами и продуктами боевики, похоже, запаслись впрок, и, чтобы они стали испытывать недостаток и в том и другом, возле села придется толкаться не один месяц.

На командном пункте верховодил генерал-лейтенант Крашевский по прозвищу Бык. Никто не помнил – когда и почему приклеилось к нему это прозвище, но уж точно не за внешний вид и не за некоторую долю упрямства, которой наделила его природа.

Палатки прогревались медленно. Германские медики из организации Аненэрбе, ставившие свои опыты в концлагерях, выяснили, что от холода нет лучшего рецепта, чем женщина. Отечественное мнение в корне отличалось. Лучшее лекарство от холода – горячительный напиток с большим количеством оборотов. Но солдатам пришлось бороться с холодом, закутавшись покрепче в шинели, примостившись к боку товарища и позаботившись о том, чтобы с другого бока тебя тоже подпирал кто-нибудь теплый.

Егерей разбудила вовсе не артиллерийская канонада, которая, по мнению начальства, должна, очевидно, возмещать отсутствие петушиного пения. Их разбудили лучи солнца, пробравшиеся в палатку через грязные пластиковые стекла.

Ночь выдалась теплой. Она прошла спокойно. Утром пахло весной. Снег вскоре должен растаять. Он и так стал уже рыхлым, водянистым, как пропитавшаяся водой губка. Лысье стволы деревьев, уловив приближение весны, начнут обрастать зеленью, помолодеют, сбросят с себя много лет. Боевикам станет легче перемещаться. Они смогут укрываться за густой листвой.

Они пока молчали, похоже, не решив еще, что же им делать дальше, и проявлять инициативу не желали. Будет смешно, если войска снимут осаду и уйдут. Боевикам тогда, наверное, придется мчаться вдогонку и нарываться на неприятности.

Палатку рассчитывали на шесть человек, но в нее набилось вдвое больше людей. То, что в ней тесно, с лихвой компенсировалось теплотой человеческого общения – чувствовать рядом теплый бок товарища гораздо приятнее, чем покусывание холодного воздуха. Через полгода ситуация изменится на противоположную. Надо за это время либо взять село, либо подвезти еще палаток.

Егеря досматривали последние, судя по безмятежным лицам, самые сладкие сны. Врываться в эти видения рука не поднималась. Но где-то заревел двигатель БМП, и тут же к нему присоединилось еще несколько – совсем как деревенские собаки, которые дружно подхватывают лай одной из своих подружек, потревоженной то ли прохожим, то ли шорохом ветра, то ли страшным сном, и вот уже вся деревня просыпается от перекатывающегося из одного конца в другой собачьего лая. Лагерь начинал просыпаться. Двигатели выполняли роль утренних горнов, дававших команду: «Подъем!»

Холод просачивался сквозь узкую, чуть толще лезвия кинжала, щель между землей и натянутой брезентовой дверью. Когда Кондратьев быстро отбросил ее и, выбравшись из палатки, тут же закрыл, холод окатил его с ног до головы. Но это было приятно. Это бодрило. Кондратьев стал растирать кожу на лице, подумывал растереть его снегом, но от этой мысли по спине, вдоль позвоночника, забегали зябкие мурашки.

За ночь лагерь преобразился. Инженерные подразделения возвели защитные валы, которые прикрывали позиции артиллеристов и пехотинцев. Словно есть волшебная палочка, и все эти валы появились здесь после того, как безымянный волшебник несколько раз взмахнул ею. Очень разумное решение. Не требует никакой дополнительной громоздкой техники, а главное, все происходит мгновенно и бесшумно. Кондратьев был очень признателен за то, что сон его никто не тревожил. Он был готов расцеловать первого же встреченного им офицера или солдата инженерных войск.

За ночь кольцо окружения заметно разрослось вширь, набухло, как болезненная опухоль, поразившая тело. Она будет расширяться и дальше, захватывая все новые и новые участки. Повсюду росли палатки, пробивавшиеся из-под снега, словно какие-то диковинные растения, семена которых минувшим вечером раскидали здесь два вертолета. Они тоже размножились. Вероятно, делением. Теперь их было четыре. Они кружили над селом вальяжно и лениво, будто разморенные теплом жирные мясистые стрекозы. Даже если у командования не было точных карт села, вертолетчики уже в подробностях его и сфотографировали, и отсняли на видео-плёнку.

Медлительность командования настораживала. Боевики хоть и не рыли окопов, но без дела наверняка не сидели, обустривая огневые точки. В то, что они при каких-то условиях могут сдать, верилось с трудом. Такое предположение – из области утопий. Вряд ли командование витало в таких грезах, из чего можно было сделать вывод, что переговоры ведутся только о дальнейшей судьбе мирных жителей села, поэтому и активные боевые действия пока не начинаются.

– И чего ждем? – спросил Голубев, после того как, выбравшись из палатки, обозрел пространство. Он щурился от яркого света, протирая пальцами глаза.

– Пока ты выспишься, – бросил Кондратьев.

– Тогда мы не скоро начнем. Но здесь прямо смотр всех подразделений. Кого тут только нет?

– Ребят из отряда космонавтов, – на пороге палатки возник Топорков.

– А может, есть. Ты знаешь, какая у них форма?

– Синяя, наверное, или серебристая – чтобы космическое излучение отражать.

– Тогда точно нет. И еще морских пехотинцев.

– Чего тут удивляться. Море-то отсюда далеко.

– А техники согноли уйму. Прямо к штурму неприступной цитадели приготовились. Как село-то называется – не Берлин ли?

– Не совсем, но похоже. Запомни – лучше противника переоценить. Если он окажется не таким сильным, как мы думаем, то сломаем его быстрее, – в разговор вновь вступил Кондратьев.

– Лорда Дрода здесь нет. Рановато уехал. Вот был бы прекрасный повод для выступления перед коллегами-дармоедами... Ого – смотри, никак на переговоры отправились.

К селу мчался армейский «газик» с натянутым брезентовым верхом. На дверях были нарисованы желтые саламандры в красных кругах, что говорило о его принадлежности к инженерным войскам Московского округа.

Колеса утопали в снегу почти до дисков, но «газик» проявлял чудеса проходимости и спокойно мог поспорить с лучшими иностранными внедорожниками. Это был его звездный час. Участвуя он в каком-нибудь ралли, наподобие «Кэмел-Трофи», обеспечил бы себе призовое место. А стань свидетелями его подвига высокопоставленные военные чины из стран Третьего мира, безусловно заказали бы для своих армий крупные партии таких машин. Но единственные выходцы из стран Третьего мира могли оказаться только в селе, а они-то вряд ли станут расписывать у себя на родине, если вернуться туда, конечно, все достоинства «газиков». Нет, не получают наши выгодных заказов.

Из полуприкрытого окна машины высывалась кривая палка, на которой болтался кусок белой тряпки, выполнявший функции парламентарского флага, но больше он походил на наволочку, вывешенную сушиться после стирки.

Метрах в тридцати справа от себя Кондратьев увидел телеоператора. Тот разложил уже свою треногу, взгромоздил на нее камеру. Прикинув глазом к объективу, он вел камерой следом за удаляющимся газиком, совсем как снайпер, следивший за целью в оптический прицел. Эффектную он получит картинку, если «газик» начнут обстреливать или он подорвется на mine. Оператор был одет в камуфляжную форму, чтобы не очень привлекать к себе внимание как федералов, так и боевиков, которые, заведев среди позиций что-то пестрое, могут наобум выстрелить.

Тем временем «газик» без каких либо происшествий добрался до селения и скрылся среди улиц. Теперь его видели только вертолетчики.

Телеоператор еще с минуту снимал опустевшую дорогу, потом выключил камеру, обернулся, постоял в раздумье несколько секунд, а потом понял, что и в лагере происходят события, достойные его внимания, приободрился, широким жестом развернул камеру на 180 градусов и стал снимать все подряд, до чего мог дотянуться. Пальцы его быстро бегали по кнопкам, точно он играл на каком-то странном инструменте, вот только музыку эту никто не слышал.

– Ты можешь опять попробовать стать телезвездой, – сказал Кондратьев.

– Я подумаю. Они имеют очень плохое свойство, – Голубев смотрел на оператора. Егерь отшатнулся невольно, когда траектория, по которой прошел объектив камеры, попала прямо на него, но камера не задержалась, пошла дальше, – стоит появиться одному из них, глазом не успеешь моргнуть, как к тебе лезет уже с десятков человек с микрофонами и начинают спрашивать, что, собственно, здесь происходит и как настроение. И делают они это, надо заметить, как раз в то время, когда выдалась свободная минута и хочется не на вопросы отвечать, а отдохнуть. Ну что я им скажу – что сам ничего почти не знаю, а какое тут может быть настроение? Не праздничное же – сами должны понимать. А если начнешь им все это объяснять – обидятся.

– Работа у них такая, а потом должна же общественность знать, как мы тут доблестно воюем. Пойди к нему – спроси, можно ли передать привет домой. Он не откажет.

Вскоре оператор снял камеру, сложил треногу и, подхватив пожитки, резво двинулся на поиски новых объектов для съемок. Направься он к егерям, они, недолго думая, бросились бы

от него бежать, как от прокаженного, благо, обремененный тяжелой аппаратурой, он не смог бы за ними угнаться.

Оператор не обратил на них ровно никакого внимания. Его заинтересовал командный пункт.

Обидно, что все были заняты каким-то делом: артиллеристы колдовали возле орудий, танкисты с серьезным видом высовывались из люков, и только егеря были чужими здесь. Им отвели роль слоняющихся без дела дармоедов, что утомляло похлеще, чем самая тяжелая работа. Время тянулось до отвращения медленно, и сколько продлится такое ожидание – ведомо было только руководству, а оно пока хранило молчание и в свои планы подчиненных не посвящало.

Переговоры с равным успехом могли либо затянуться, либо быстро разрешиться – если боевики возьмут и просто застрелят парламентаров, не найдя в споре более весомых аргументов, чем несколько пуль. Тогда уж точно станет понятно, что решение проблемы дипломатическим путем – невозможно... От безделья скоро начнешь выть как собака. Впору вспомнить старый армейский анекдот – раздать солдатам кирки и отправить их расчищать до обеда снег. Но до обеда еще далеко, а вот о завтраке подумать стоило. Желудок начинал урчать. Черт, если не вспоминать о еде, он еще, пожалуй, молчал бы с полчаса. Хоть условия и были максимально приближены к боевым, но на походный паек, включавший галеты и консервы, их вряд ли посадят. Марку терять нельзя. Все-таки России принадлежит такое эпохальное изобретение, как полевые кухни.

Всевышний читал мысли капитана.

– Кушать подано, – сказал Голубев.

Полевая кухня появилась, как нельзя кстати, в центре импровизированной площади, по краям которой стояли либо бронетехника, либо палатки, либо орудия, она поехала по кругу, как собака, которая ворочается, устраиваясь на лежанку, и только потом остановилась. Из кабины выбрался водитель – он же и повар, вооруженный алюминиевым черпаком, которым умел, наверное, орудовать не хуже, чем древний воин булавой и мог огреть им особо ретивых гурманов по неразумным головам. Вопрос – что крепче: черпак или каска? Черпак он держал в руках с таким почтением, будто это был некий символ власти – эквивалент скипетру или на крайний случай маршальскому жезлу.

Повар состоял из нескольких нанизанных друг на друга оболочек. Основой для них служил скелет, на который они и были надеты, наподобие нескольких пальто и курток. Но когда туловище повара поворачивалось, то движение это от скелета не сразу передавалось оболочкам, а постепенно – из глубины наружу. Жирные складки колыхались. Казалось, они прикреплялись к скелету липучками, чуть растягиваясь при каждом движении. Одежда была последней оболочкой, но когда и она приходила в движение, скелет уже начинал следующее, и поэтому тело повара не на миг не замирало. Оно походило на пудинг или медузу. Кожа на щеках надулась. Она могла лопнуть. Глаза заплыли. Остались только узкие щелочки, как у выходцев из Юго-Восточной Азии. Под подбородком натекли складки. Не меньше трех. Толстые складки жира скопились и на затылке, похожем на старую хоккейную перчатку, на которую нашито несколько продолговатых кожаных подушечек, набитых конским волосом, а у повара они наполнены жиром, точно так, как в горбах у верблюда хранятся запасы на случай голода. Он и без воды сможет обойтись в пустыне. В смысле повар, а не верблюд, если солнце не вытопит из него весь жир.

Машина источала приятный запах, совсем как женщина, за которой тянется шлейф от духов, или как работник кондитерской фабрики, до костей пропитавшийся сладким: шоколадом, карамелью и ванилином, так что, если он попадет к каннибалам, то им не понадобится никаких специй, чтобы приготовить из него чудное, восхитительное угощение.

На этот запах потянулись солдаты, облизываясь и гремя котелками, как коты, почуявшие, что в их миски хозяйка налила молоко или сметану.

– Что бы вы без меня делали? – назидательно, с барственными интонациями в голосе, говорил повар.

– Не тяни, – слышал он в ответ, – ты почему так поздно?

– Вот – никакой благодарности, что вообще приехал. Загнали вас черт знает куда.

Он прямо-таки излучал здоровую жизнерадостность.

– Из горячего – только каша. Рисовая.

Известие это вовсе не вызвало у солдат недовольствия. Иного они и не ждали. Кислые мины на лицах у них появились бы в том случае, если бы повар сказал, что у него есть только сухари.

Повар окунал черпак в большой чан, там что-то чавкало. Вытаскивал черпак обратно он с заметным усилием, словно в чане кто-то сидел, хватался за черпак и не хотел его отдавать. Вываливал в очередной подставленный ему котелок комок вязкой, клейкой массы. Она отцеплялась от черпака с неохотой, будто успела к нему прирасти. Приходилось вытряхивать ее, резко встряхивая черпак. Спустя несколько минут дыхание повара стало давать сбои. Он заметно устал и исподлобья поглядывал за тем, сколько солдат ему еще предстоит осчастливить этим угощением. К каше выдавалась небольшая пластиковая коробочка, открывавшаяся наподобие кейса. В ней лежали упакованные в целлофан галеты, маленькая баночка с джемом, кусочек масла, завернутый в фольгу, две булочки, нарезанные ломтиками сыр и мясо. Похожий набор получали авиапассажиры непродолжительных рейсов.

– Благодетель, – говорил кто-то повару.

– Может, погремушки-то снимешь? – отгрызался он, когда видел, что солдат так увешан оружием, что оно мешает ему держать котелок.

– Ну вот еще, – слышал он в ответ, – кофе не забудь.

– В пакетиках, – бросал повар. – Оглоеды! Горбачусь тут, горбачусь, – как молитву бормотал он, отбиваясь от солдат. Движения его были расчетливы. Он не проливал ни капли каши.

– Спасибо.

– Ты что, добавки хочешь?

– Нет.

– А зря. Я бы дал, – с этими словами он бултыхал половник каши в котелок, наполняя его почти до краев, – кушай на здоровье, дорогой друг.

Солдаты отходили к машинам и, поудобнее расположившись, начинали скоблить стенки котелков алюминиевыми ложками, причмокивая от удовольствия и заедая кашу бутербродами.

Поев, все отходы – целлофан, обертки и прочее – солдаты складывали в пластиковые коробки и отдавали их повару. Зеленые остались бы в восторге от такой заботы о сохранении природы в районе. Но они наверняка возмутились бы, если какой-нибудь солдат раздавит жучка редкого вида или на норку наступит. Шум поднимут. А вот то, что НАТОвцы разбомбили югославские нефтехранилища и Дунай загрязнили – это гринписовцев не интересовало. У них были другие приоритеты.

– О чем они только думают? – не унимался Голубев, пережевывая смесь галеты с кашей. – Кому захочется воевать на сытый желудок? На месте командования я морил бы подчиненных полдня голодом, а потом сказал им, что все запасы провизии находятся в селе, и отдал приказ наступать, – он доел кашу, облизал языком ложку – она стала такой чистой, словно ее помыли. – Поверь мне, командир – село бы взяли за пару часов.

– Хорошо, что ты не будешь никогда командовать. Или после войны пойдешь поступать в офицерское училище? – спросил Топорков.

– Нет, наверное, – Голубев замолчал, задумался. Отблески мыслей бродили в его глазах, он чему-то улыбался и уже было хотел сказать что-то, посмотрев на капитана, но вдруг выражение на лице резко изменилось, стало удивленным. – Интересно, что эти-то тут делают?

По лагерю бродили два майора, которые ничем не выделялись бы из общей массы, скопившихся здесь разношерстных войск, вот только нашивки на мундирах у них были непривычные. По крайней мере, егерям еще не приходилось встречать такие во время боев: на черном фоне – золотая коническая колба, наполовину заполненная голубоватой жидкостью, а над ней на каком-то невообразимом держателе восседал двуглавый орел. Химические войска. Странно, что тот, кто придумывал эту эмблему, не надел на головы орла противогазы. В руках у каждого – по небольшому чемоданчику, точно они только что из вузовской аудитории, а в чемоданчиках – конспекты лекции.

Увидев этих майоров, лорд Дрод сошел бы с ума от счастья, заподозрив, что русские намереваются, дабы избежать лишних потерь, расправиться с боевиками, укрывшимися в селе, при помощи какой-нибудь заразы, использовать которую запретили еще до Первой мировой войны. Никак он не мог понять, что мировое сообщество – нам не указ. Дай им волю, они бы и коктейль Молотова запретили. Чем же тогда танки Гудериана жечь? Уж не телеграммами ли соборозования, которые пачками слал Сталину Черчилль. А отравляющие вещества – так ими еще Тухачевский крестьян, недовольных советской властью, уму-разуму учил. Чем и прославился. Карьеру сделал, потому что способ борьбы с оппозицией нашел быстрый и верный. Но методы свои не разглашал. Боялся, что миф о том, будто он блестящий стратег, померкнет. Повезло ему. Убрали его в зените славы. С регулярными войсками воевал он не так успешно, как с безоружными крестьянами, что и показало его бездарное наступление на Варшаву. Останься он на командном посту до начала войны, глядишь, немцев обратно гнать пришлось бы не от Москвы, а от Владивостока.

Майоры, будто гуляли, тихо перебрасываясь короткими фразами, забрались на гребень защитного вала, вытащили из чемоданчиков какие-то приборы (Кондратьев не мог разглядеть их – было слишком далеко), немного повертели их в руках, будто это были головоломки. Собрали они свои причиндалы очень быстро, с удовлетворением на лицах, спрятали в чемоданчики, захлопнули крышки и спустились с вала. Что же они там делали? Может, чего-то дозиметрами измеряли? Все-таки боевики не раз грозились применить отравляющие вещества, а однажды решились на этот шаг, разлили из цистерны какую-то быстро испаряющуюся гадость. Но получилось – в ущерб себе. Ветер переменился и погнал газы прямо на позиции боевиков, а о противогазах они не позаботились. У кого голова на плечах была, убежал вовремя, для остальных... ох, как же они плохо пахли, когда их хоронили.

Появление в лагере офицеров-химиков было вполне объяснимо. Выспрашивать же, чем они занимаются – нетактично. Они-то ведь не пристают с глупыми вопросами, к примеру, к механикам, когда те чинят поврежденную гусеницу. Кондратьев вспомнил старый агитационный плакат времен Великой Отечественной. Он стал классическим и воспроизводится во всех учебниках истории. На нем нарисована женщина в красной косынке и белой блузке. Лицо строгое, а глаза смотрят на тебя так сурово, точно ты уже совершил какое-то противозаконное деяние и теперь тебе надо оправдываться. Такая сдаст органам даже собственного мужа, если заподозрит, что он продан вражеской разведке. Женщина поднесла указательный палец к губам. На плакате надпись: «Не болтай».

Какая будет реакция у этих офицеров, когда он подойдет к ним с вопросом: «А что вы тут делаете, господа?» Могут броситься бежать от неожиданности, а может, вытащат пистолеты и пристрелят любопытного, чтобы с расспросами не лез и делом заниматься не мешал, но скорее не удосудятся даже ответить, посмотрят на него с любопытством, как на забавную игрушку или попугая, выдавшего словесную тираду, которую от него никто не ожидал. Не прельщала Кондратьева перспектива оказаться в таком неловком положении. Смеяться все будут, когда

химики уйдут. Он делал вид, что их вообще нет, точно они надели плащи-невидимки. Похоже, химики пребывали в уверенности, что на них действительно такие плащи. Кондратьев не стал разочаровывать их, как сделал это в сказке глупый и несмышленный мальчик, закричавший, что король – голый. Может, если он подойдет к химикам с глупым вопросом, целый научно-исследовательский институт окажется в той же ситуации, что и те портные, которые шили тому королю наряды...

– Поели, можно и поспать, – сказал Голубев.

Он быстро терял интерес ко всему новому, совсем как капризный ребенок, родителям которого приходится каждый день покупать новую игрушку, чтобы их чадо не скучало. Вот прекрасный кандидат на то, чтобы расспросить химиков. Кондратьев хитро посмотрел на Голубева. Тот закрыл глаза, поудобнее откинулся назад, стал что-то напевать. Нет. Пусть живет.

Села они уже не видели, а только часть ведущей к нему дороги, и поэтому заметили вернувшийся парламентарский «газик», только тогда, когда он влетел на позиции, да так быстро, словно была вероятность, что как только он покинул село, законы гостеприимства закончились и ускорение ему могут придать, вклеив ракету в выхлопную трубу. Тогда покажется, что на «газике» установлен реактивный двигатель, а корпус сделан таким угловатым только по одной причине – не дать «газику» взлететь.

Водитель заглушил двигатель, но машину еще протащило несколько метров. Совсем лысые покрышки скользили по снегу, и создавалось впечатление, что вместо колес автомобиль опирается на лыжи. «Газик» еще не остановился, когда его левая дверь отворилась и из салона вывалился полковник, прыгнул на снег, минуя подножку, лихо оправил форму и поспешил к штабу, едва не срываясь на бег. Участвуй он в соревнованиях по спортивной ходьбе, судьи сняли бы его с дистанции еще до того, как он добрался до штаба.

Он прямо светился от переполнявших его радостных чувств. Было чему радоваться. Судьбы кавказского пленника не разделил и ноги от боевиков унес, а то кто их знает – спеленали бы, как только он заглянул к ним, да стали бы использовать как заложника или, что еще хуже, как живой щит, за которым можно укрываться от пуль.

С собой парламентареры брали только пистолеты. Испугать ими можно только очень впечатлительных дам. Но и прихвати они хоть станковый пулемет, установленный в кузове или на раме «газика», все равно из села не выберешься, вздумай боевики напасть на них.

Водитель так и оставался в «газике», почти не меняя позы, – он сидел точно так же все время, пока полковник вел с боевиками переговоры. Если бы боевики захотели вытащить его из машины, то пришлось бы выламывать руль, в который он вцепился, а возможно, еще и сиденье с дверью.

Расспрашивать его – бесполезно. Все равно будет молчать, как еретик на приеме у инквизиторов, но не из-за того, что стойкий такой и не выдает никаких секретов, хоть пытай его испанским сапогом или дыбой, – просто он сам ничего не знает, а то, что боевики, обступившие в селе его машину, носят бороды, одеты в камуфляжную форму, да вооружены в основном «калашниками» – так это и без него все знали. Зато, когда вернется домой, станет заливать в три ручья о своих похождениях. Медаль будет показывать. Медаль-то ему точно дадут.

– Как думаешь, капитан, чего полковнику добиться удалось? Что бандюги автоматы покидают, руки подымут и сдаваться побегут? – спросил Луцкий.

– Не думаю.

– Я тоже. Но уж больно он весел. Вроде известие о присвоении очередного звания получить не мог. Да и откуда он об этом узнал бы? Боевики ему не скажут, а болтать с ними – дело малоприятное. Даже совсем неприятное. После таких разговоров обычно все белыми становятся, прямо как эскимосы, которые ни разу в жизни не загорали и греются только в холодильнике.

– Узнаем скоро...

Слухи действительно стали разноситься очень быстро, как будто из штаба шла утечка информации и кто-то, подслушав, что докладывают генералу, немедленно распространял по лагерю эти сведения. Первоисточник – известен, но отделить зерна от плевел, то бишь правду от вымысла, мог пока только полковник, да еще генерал.

Полковник еще не вышел из штаба, а все уже знали, что ему удалось уговорить боевиков отпустить из села мирных жителей. Столь благородный поступок объяснялся просто. Лабазан Егеев родился в этом селе, и ему не хотелось, чтобы родственники и люди, которых он знал с детства, погибли. Переговоры шли как по маслу, и полковнику казалось, что командир боевиков рад тому, что федералы не стали сразу штурмовать село, и он теперь может избавиться от женщин и детей. Сам же он сдаваться не желал ни при каких условиях, твердо решив, что примет свой последний бой в селе, на окраине которого похоронены его предки, а чтобы его похороны прошли с грандиозной помпой и о них узнали по всему миру, он привел с собой весь отряд. Эти будут драться до последнего.

Сложный он выбрал способ самоубийства. Куда как легче ритуальным ножичком вскрыть себе живот – не так красиво, как подрывать себя гранатой или пускать пулю в висок, но не менее действенно, а если при этом он хочет еще и получить удовольствие, то лучшего метода, чем забраться в ванну, наполненную теплой водой, и вскрыть себе вены, по своей простоте и не придумаешь. Но нет – он хочет уйти из жизни под аккомпанемент взрывов и перестрелок.

Более того, где-то в селе устроился радист, который, не зная ни сна, ни покоя, беспрерывно засорял эфир призывами прийти в село и разделить участь тех, кто там уже находится. Может, откликнется? Ведь накрыть всех скопом гораздо легче, чем вылавливать по одиночке и гоняться за ними по горным тропам, по которым хаживают разве что горные козлы да контрабандисты. Хотя боевики, скорее всего, примут это сообщение за провокацию, за хитроумную ловушку, которую подстроили федералы, и будут обходить село стороной.

– Похоже, что Егеев наговорил свою речь на магнитофон, а теперь радист ее воспроизводит в эфир. Прямо ди-джей! Ну не будет же Егеев сидеть возле рации и гундеть о том, что ему, видите ли, пришлось в голову дать последний и решительный и кто пожелает – тот может к нему присоединиться, точно это вечеринка какая-то, выпивка, девочки и так далее. Впечатление такое, что он накатил перед тем, как сесть за запись. На трезвую голову разве такое станешь говорить? Ох, что будет, когда он протрезвеет... – сказал Топорков.

– Не пьет он вроде. Придерживается заповедей Корана, – возразил Луцкий.

– Так за воротник, значит, не закладывает? Может быть, может быть... Но тогда чего-нибудь похлеще принял, что по мозгам бьет с большим эффектом... а запись трещит. Страшно трещит. Так же получалось, когда переписываешь пиленный диск... Или пленка осыпалась, – сказал Голубев.

– Все ты всегда знаешь! Твои бы таланты – да в мирное русло. Вмиг сколотил бы себе первоначальный капитал, а лет так через десять-пятнадцать стал бы главой могущественной корпорации, если, конечно, менее удачливые конкуренты не наймут опытного киллера. Люди будут рвать друг другу глотки, чтобы место протирщика твоих ботинок занять. Или еще какую-нибудь такую же почетную должность, – съехидничал Луцкий.

Тем временем пригнали несколько стареньких, на ладан дышащих «лиазов». Двигатели надсадно тарахтели, работая с заметным перенапряжением, и толкать автобусы, даже с черепашной скоростью, становилось для них задачей почти непосильной. Невольно начинаешь считать секунды, пробуя угадать, на какой из них двигатели надорвутся. На бортах у автобусов были приварены заплатки, но дырки там образовались вовсе не от обстрелов, а от коррозии. Все они были выкрашены в ярко-оранжевое, но местами краска облупилась, обнажая более ранние слои. У одних они были красными, у других – зелеными, у третьих – синими, а у чет-

вертых – проступал побуревший от ржавчины металл. Ржавчина проступала и через краску, похожая на подтеки. Очевидно, «лиазы» сняли с рейсовых маршрутов, и пассажиры сейчас мерзли на остановках, в ожидании, когда же подойдет нужный автобус. Так они могли ждать до весны, а впрочем, рейсовый автобус здесь уже несколько лет был из мира нереальности. Наверное, все это время они простояли в отстойниках. Удивительно, что их не разбили и не разобрали. Но боевикам они, конечно, были не нужны. Те привыкли ездить на джипах.

Автобусы выстроили в длинную колонну на обочине дороги позади лагеря. Водители вышли из автобусов, сбились в кучу, стали о чем-то спорить, поглядывая то на лагерь, то через него – на село.

Кто-то наверняка подсчитывал, сколько человек может набиться в крохотный салон «лиаза» в час пик, когда желающих все равно больше, чем мест, а поэтому каждый автобус берется штурмом, как в свое время брали штурмом вагоны поездов или крепости. Люди прижаты друг к другу же так крепко, как на демонстрации, митинге или концерте популярного артиста, где нельзя не только поднять руку, но и дышать удается с трудом. В некоторых случаях такое тесное общение бывает даже приятно...

Как ни старался Кондратьев, но не мог извлечь из памяти табличку, обычно привинченную к кабине водителя, на которой указывалось, сколько в салоне сидячих и стоячих мест. На автобусах он ездил довольно часто, но «лиазы» становились редкостью, их в пору было заносить в Красную книгу исчезающих видов. С ними происходило примерно то же самое, что в свое время случилось с неандертальцами, когда в природе появились кроманьонцы.

На ум приходили совсем другие таблички – вроде «Не курить. Не сорить». Он пробовал восстановить в памяти облик салона, посчитать – сколько там кресел, но сбивался, путал двойные и одинарные. Глупое это занятие.

Автобусов двадцать, нет, двадцать один. В селе примерно триста домов. На каждый автобус приходится по пятнадцать домов. Семьи здесь большие. Одним-двумя детьми не отделиваются. Такое может быть только в очень молодых семьях, где не успели обзавестись более многочисленным потомством, а так в старые времена сюда ящиками возили медали Материнства трех степеней. Когда их упразднили, прибавлений в семьях стало поменьше, но не намного и вовсе не из-за того, что медаль была своеобразным стимулом для продолжения рода. Ее, конечно, ценили, но не сильно. С государственной помощью ораву в десяток детей прокормить хлопотно, а вовсе без помощи... редко у кого получалось. В общем, теоретически, даже если часть домов сейчас пустует, мест в салонах на всех не хватит. Автобусам придется сделать не один рейс, а побольше...

Солдаты глазели на «лиазы» с удивлением, будто перед ними предстала стая каких-то невиданных доселе зверей. Такое внимание немного смущало водителей автобусов. Они все теснее сжимались в кучку.

– Ну что вылупились? Это же «лиазы», – сказал Голубев.

– А я-то думал, что это «мерседес», – откликнулся кто-то.

– Не смешно.

И вправду – никто шутке этой не рассмеялся.

Вскоре, Голубев выяснил, что к полудню надо ждать гостей. Нет, боевики вовсе не сообщили парламентарам, когда они намереваются идти на прорыв. С двенадцати – они отпускают всех, кто захочет уйти из села.

Времени на сборы было отведено маловато, и если не сидеть на заранее сложенных тюках, то успеешь лишь наскоро побросать в сумки или мешки самое необходимое. Обычно в такие минуты голова соображает слабо, мыслям в ней тесно, и самое необходимое как раз остается в числе забытых вещей, а в сумках оказывается что-то совсем ненужное. Впрочем, если дать слишком много времени, то обязательно найдется кто-то, кто не захочет расставаться со своим любимым шкафом, доставшимся от дедушки, или с сервизом, напоминавшем о бабушке. Из

села тогда потянется не жидкая струйка бедолаг, превратившихся на какое-то время в беженцев или временных переселенцев – кому что больше нравится, а кавалькада нагруженных мебелью грузовиков и легковушек с прицепами.

Во время боя ни боевики, ни федералы не будут стараться сохранить село, точно каждый дом в нем – памятник архитектуры, и избегать применять гранаты и артиллерию. От села останутся руины. Что тогда делать со спасенной мебелью? Расставить ее в палатке во временном лагере? Но там и для людей-то места мало.

Нарыв прорвало. Из села стала вытекать тонкая струйка людей. Она становилась полноводнее, точно в нее постоянно вливались притоки. В любой момент она могла превратиться в бурный поток, который затопит всю округу и сметет все, что попадется ему по пути. И солдат, и танки, и бронемашины... Но когда первые беженцы добрались до лагеря, поток стал высыхать, почти вернувшись в первоначальное состояние, а через несколько минут и вовсе иссяк.

Солдаты встречали беженцев неприветливо, но оружие наводить не стали. Даже если среди них прячутся боевики, то не станешь же стрелять по толпе из автоматов. Все сведется к рукопашной.

В основном там были женщины с детьми и старики со старухами. Они шли медленно. Большинство взвалило на плечи по большому тюку. На них, видимо, пошли обычные покрывала или скатерти, сорванные впопыхах со столов и постелей. Углы крест-накрест стянуты узлами, но нести их все равно неудобно, обладатели тюков с завистью взирали на владельцев массивных сумок, раздувшихся от спрятанного там добра, а еще больше – брезентовых рюкзаков, неказистых, но незаменимых в дальнем походе. Они и вместительнее тюков, и нести их гораздо легче.

Со всех сторон женщин обступали дети. Они не хныкали, наверное, уже вволю наплакались, слез не осталось, а может, понимали, что жалеть их сейчас никто не станет и лучше расплакаться попозже, когда доберутся до лагеря, возможно, тогда слезами можно будет что-нибудь выпросить, а если заплакать сейчас, то ничего, кроме подзатыльника, не получишь.

Слово «беженцы» приклеивать к ним было все же рановато. Может, и обойдется. Постоят за лагерем, потопчутся, померзнут, посмотрят на огненные сполохи, танцующие возле домов, послушают перестрелку – вот и все беды. Потом им можно вернуться домой. Ах да, от домов-то ничего к тому времени не останется...

Туземки отдавали предпочтение длинным, доходившим до колен, пальто того странного грязного цвета, который приобретает долго не мытая наволочка или заячья шкурка в межсезонье, когда она еще не белая, но уже и не серая, и еще на многих были коричневые кожаные куртки, различавшиеся только степенью потертости, точно шили их у одного и того же мастера по одним и тем же лекалам. Эти пальто и куртки превращались в некое подобие униформы. По ним даже за тридевять земель жители села могли определить своего земляка, если тот не переоделся.

Головы женщин обмотаны пестрыми платками.

Они смотрели на солдат если не с симпатией, то хотя бы без заметной злобы, не как на врагов, которым надо, за неимением режущих-колющих предметов, перегрызть горло зубами и выцарапать ногтями глаза. Проскальзывала даже симпатия. Но скорее из-за того, что они теперь полностью зависели от федералов и никто ссориться с ними, по меньшей мере в ближайшее время, не собирался.

«Политика умиротворения», когда сперва лупишь по всем без разбора и только потом, завалив все трупами, так что и повернуться тесно, начинаешь действовать более избирательно, отделяя группы вооруженных людей от мирных, себя никогда не оправдывала. Она давала осязательные результаты только на первых этапах, а потом все становилось гораздо хуже, чем было, и могла привести только к тому, что недовольные плодились в геометрической прогрессии. Со

временем даже считавшиеся вполне спокойными районы превращались в рассадник террористов или, в зависимости от характера боевых действий, в партизан. Борьба с ними приходилось со все возрастающей жестокостью. Это порождало ответную реакцию.

Если периодически прокатываться огненным катком по земле, то недовольные заведутся и в тихих эскимосских поселениях, и там, чего доброго, народ возьмется за ружья или за копыя с луками.

Повар уже уехал готовить обед, а когда он вернется, то схватится в ужасе руками за голову, будто она может скатиться с плеч, и, закатив глаза к небу, начнет спрашивать – чем он прогневал Всевышнего и за какие прегрешения тот послал сюда столько нахлебников. Но ему выделяют продукты со склада, а если он будет вести себя понаглее, то, возможно, и пару помощников отрядят.

На границе лагеря появилось двое. Ничем не примечательные на вид, они растворялись в серой камуфляжной массе – глазами не зацепишься. Автоматы с выдвижными прикладами они небрежно закинули за спины, будто в них не было никакой необходимости, но руки чем-то занять надо, и один засунул их в карманы куртки, а другой – скрестил на груди. И хотя на лицах блуждало приветливое добродушное выражение, взглядами они шарили по толпе. Спустя несколько минут они посмотрели друг на друга, кивнули почти синхронно, отошли в сторону, чтобы не мешать, а их место занял офицер из внутренних войск. В эти и последующие секунды он больше всего напоминал милиционера, который регулирует движение на оживленной трассе вместо сломавшегося светофора, только жезл у него куда-то запропастился, и ему приходится объясняться жестами.

– Сюда, за мной, – прикрикивал он на особо непонятливых, показывая, куда им нужно идти.

С обеих сторон их обступали бронемшины, образовав своеобразный коридор. Он не давал беженцам возможности разбрестись по лагерю. Здесь было тесно, но все же, в сравнении с автобусной давкой, атмосфера оставалась разряженной. Пока все они оставались на виду и не роптали, понимая, что участь беженца позавиднее участи заложника и лучше оказаться здесь, среди федералов, чем оставаться в селе и ждать, когда начнут рушиться небеса.

В селе даже вертолетчики не замечали каких-либо перемещений. Они старательно сжигали топливо, наслаждаясь полетом, и вели себя, как детишки, которых воспитатель повел купаться на речку, разрешил забраться в воду, а потом зачитался интересным детективом и забыл о времени. Иногда он посматривал на резвящихся ребятишек, но команды выбраться на берег им не давал, потому что тогда всех придется вести обратно домой, потом кормить, укладывать спать, и книгу он дочитает только вечером, а в ней осталось страниц десять-пятнадцать. Еще несколько минут, и он узнает, кто убийца, а если отложить книгу до вечера, он весь изведется от догадок, будет рассеян и у него все будет валиться из рук... Чем же сейчас занято руководство, что оно забыло о вертолетчиках?

Лезть в автобусы временные переселенцы категорически отказались. Подумали, небось, что их собираются продавать в рабство. Вряд ли причина крылась в том, что их не устраивал комфорт салонов. Они собрались возле автобусов, побросали на землю тюки и сумки, уселись на них и стали ждать дальнейших событий, совсем как на стадионе. Теперь, чтобы сдвинуть их с места, пришлось бы вызывать омоновцев, которые поднаторели в разгоне всевозможных митингов, демонстраций, сидячих забастовок и чувствовали себя в таких случаях более уютно, нежели под обстрелом. Шуму же при этом будет много. Потом хлопот не оберешься. И все из-за того, что у оператора все никак не могли закончиться кассеты. Он с воодушевлением снимал происходящее. Снимать ему не запретишь, пленку не заберешь. Скандал и порицание мировой общественности, волны от которых докатятся и до России, будет тогда обеспечен. Прежде чем они успокоятся, сюда приедет не одна комиссия, а визит очередного лорда Дрода солдаты не

вытерпят, наговорят ему каких-нибудь пакостей, случится новый скандал. Этот процесс станет периодически повторяться, а то и вообще никогда не прекратится.

Отвернувшись от переселенцев, Кондратьев чувствовал, что на него смотрит не одна пара глаз. Ощущение – не из приятных. Но лучше о взглядах этих забыть. Иначе тебя будет постоянно сверлить, как зубная боль, мысль о том, что за тобой постоянно кто-то наблюдает, глаза тогда станут искать в толпе этих наблюдателей.

Праздно сидеть им, конечно, не дадут. Должны понимать, что не циркачи к ним приехали или гладиаторы и представления показывать не собираются. То, что они оказались в лагере на самых лучших местах – неподалеку от сцены и на безопасном расстоянии, – все это временно. Сейчас весь обзор им закрывала бронетехника. Но потом-то она уедет. Посидят, отдохнут – и рассядутся по автобусам. Должны благодарить, что никто не требует покупать билеты. Пока же их взяли в оборот ребята из особого отдела. Всех подряд не расспрашивали. Избери они такую тактику, дело нужно было ставить на конвейер и пригнать сюда еще с десяток следователей. По каким-то только им ведомым причинам, выудив из толпы пяток людей, развели их в разные стороны, так чтобы приватному разговору не мешали, и стали расспрашивать в непринужденной форме: «Что видели? Что слышали? Сколько в селе боевиков? Какое у них оружие? Где они рассредоточены?» Что-что, а развязывать языки они умели, даже не прибегая к длительным допросам с пристрастием и пытками, а без них своей жизни не могли представить ни инквизиторы Торквемады, ни костоломы Ежова.

Но самый жалкий вид был не у беженцев, а у артиллеристов. Привязанные к своим орудиям, как крепостные крестьяне к клочку земли, они и по лагерю-то побродить не могли, а все сидели на ящиках со снарядами, благо тех подвезли так много, что из них впору было городить баррикаду или складывать копию Великой Китайской стены. Хоть будет чем заняться.

Одну за одной они потягивали сигареты, соревнуясь, кто выпустит больше дымных колец. Но запасы сигарет вскоре кончились. Опустевшие и раздавленные сапогами пачки валялись среди окурков. Если артиллеристы не могут захлать землю стрелянными гильзами, они захлать ее чем-то другим. Теперь они смотрели по сторонам, надеялись разжиться сигаретами у соседей. Но те, смекнув, чего хотят от них артиллеристы, обходили их позиции стороной, делая при этом вид, что очень заняты, погружены в свои мысли и не слышат окриков.

Не дай бог кому-то закурить. Артиллеристы тогда не отвяжутся. Но они продолжали сидеть на ящиках возле пушек, прямо как дворовые собаки, которые должны охранять имущество хозяина. Вот только цепей на их шеях почему-то не видно.

Руки у них чешутся поскорее запихнуть снаряд в пушку, отправить его в цель, заткнуть уши ладонями, чтобы не оглохнуть, но ноздри затыкать уже нечем, и они, как токсикоманы, с наслаждением нанохаются пороха.

Лица их обиженно-грустные. Никто не понимает, почему руководство не отдает приказа открыть стрельбу. Возможно, они дожидаются, когда же приедут «чистильщики». Но сразу-то в село их не пустят. Прежде хорошенько вспашут там все снарядами, чтобы у боевиков отпала всякая охота к сопротивлению... «Чистильщиков» все нет и нет. Видать, они подметают какое-то другое селение.

Капитан стал продумывать план предстоящей компании. Однако стоило ему мысленно подобраться к первому дому, как дальнейшие варианты развития событий начинали расти в геометрической прогрессии, так что проанализировать все не мог не только человеческий мозг или персональный компьютер – даже мощнейшие вычислительные машины, занимавшие несколько комнат в Пентагоне, встанут перед проблемой, для решения которой у них не хватит памяти. Они зависнут, испортятся, будут выдавать бред. Это парализует всю деятельность Пентагона. Вот бы подкинуть туда такую задачку...

Грузовик привез на позиции новую партию снарядов. Кузов доверху забит ящиками, но если прежние были сделаны из струганных досок, то эти обиты фанерой и покрашены оранжевой краской. Можно даже подумать, что это задержавшиеся на почте посылки с новогодними поздравлениями. Видимо, на складах скопилось так много боеприпасов, что девать их некуда, командование ищет любую возможность, чтобы не тратить деньги на их утилизацию, а избавиться каким-то другим способом, не требующим финансовых вливаний. В свое время так сделали американцы вначале в Персидском заливе, а потом в Косово.

Артиллеристы недоуменно смотрят на водителя, потом на ящики в кузове, затем опять на водителя. Никто из них встать, а тем более бросаться разгружать кузов и не подумывает, а всем своим видом они показывают водителю, что он ошибся и привез груз не по адресу. Водитель тоже приходит в недоумение. Он лезет в карман, ищет там накладную на груз, читает написанное несколько раз, чтобы уже точно не ошибиться. Может, ему приказали привезти снаряды не на окраину, а в село? Нет. Он все сделал правильно. Но эти постные морды могут смутить кого угодно.

Никаких механизированных приспособлений у артиллеристов нет, и, если они начнут опустошать кузов примерно в таком же темпе, как в старых фильмах показывают разгрузку кирпичей из вагонов, когда люди встают в цепочку, то занятие это займет у них пару часов.

Водитель выбирается из кабины, подбегает к артиллеристам, начинает им что-то втолковывать, густо приправляя свою речь жестами. В руках у него зажата скомканная бумажка, но пока он ее не показывает, приберегая на самый последний момент, когда все аргументы уже будут исчерпаны.

Водитель стоит к Кондратьеву спиной – по губам невозможно прочесть, что он говорит, а ветер уносит слова в другую сторону, бросает их прямо в лица артиллеристов, но те оглохли и даже не встают с ящиков, будто примерзли к ним и теперь их надо оттирать вместе с досками.

Кондратьев уже не боится, что артиллеристы его заметят и начнут выпрашивать сигареты. Все равно он не курит, и взять с него нечего и спичек у него нет. Услышав столь дерзкий ответ, да в темной подворотне, веселая компания сочла бы, что он откровенно нарываяется на неприятности и могла приступить к разъяснению своих позиций, используя не только непарламентские выражения, но и подручные средства... Для убеждения вполне подойдет железная арматура или бита для лапты. Парламентарии лишены такой возможности. Может, поэтому их споры длятся так долго; раздать им всем биты перед входом в зал заседаний, глядишь, и работа стала бы продуктивнее, а несогласных парламентское большинство быстро уgomонило бы...

– Да не ори ты так! Мы все поняли. Бумажкой-то не тычь! Сейчас все разгрузим. Только покурить надо. У тебя сигареты есть? – донесли до Кондратьева слова одного из артиллеристов.

Водитель вмиг успокоился, стал ласковым, обходительным, протянул пачку сигарет, забыл забрать ее обратно, помчавшись к грузовику, открыл кузов и даже порывался взобраться на него, чтобы помочь подавать ящики со снарядами. Но наконец-то решившие заняться работой артиллеристы грубо отодвинули его в сторону.

– Без тебя справимся! – нечто подобное из их уст услышал водитель. За точность фразы Кондратьев не ручался.

Кто-то пихнул водителю пачку сигарет со словами: «На-ка, покури пока». Водитель, поблагодарив, посмотрел, что в пачке осталась лишь одна сигарета, хотел отдать ее обратно, но тут понял, что это его пачка, а когда он давал ее артиллеристам, она была почти полной.

«Проглоты», – прошипел водитель, вытащил сигарету, а пачку скомкал и отшвырнул от себя подальше, но ее подхватил ветер и она пролетела не более двух метров.

Двое артиллеристов влезли в кузов, принялись аккуратно подавать ящики в протянутые руки своих товарищей. Те вдруг стали напоминать голодных нищих, которым раздают гуманитарную помощь. Не для них эта помощь. Из ящиков они стали что-то возводить на снегу.

Не туда они все пошли. Им надо было идти не в артиллерию, а в инженерные войска. Не разрушать, а строить – вот их призвание.

Они вспотели, расстегнули шинели и либо сдвинули на затылки меховые шапки, либо вовсе скинули их. С ящиками они обращались нежно и аккуратно, точно там находился хрусталь или фарфор, вот только соответствующую наклейку прилепить на них забыли.

– Хорошо работают. Душа радуется за таких ударников, – сказал Голубев.

– Помог бы. Видишь – надрываются, – усмехнулся Топорков. Над бедным Голубевым потешались все кому не лень, но он успевал ответить почти на все колкости.

– Нет. Каждый должен заниматься своим делом, а то профсоюзы скандал закатят.

Кондратьев терялся в догадках, что же было в этих ящиках. Никогда прежде он таких не видел, да и артиллеристы, похоже, – тоже. Объяснить они что-то и могли бы, но Кондратьев не стал дожидаться, когда они справятся с последним ящиком.

Разбитая БМП раздражала капитана так же, как быка – красная тряпка в руках тореадора. Очень любят такую наживку снайперы – подранят кого-нибудь на нейтральной территории и ждут, когда же от стонов и причитаний его жертвы не выдержат нервы кого-то из противников и он выберется из укрытия и поползет спасать раненого. Снайперу только это и нужно. Вскоре к первому раненому прибавляется еще один, потом еще – и вот оказывается, что там лежит целое отделение – кто мертв, а кто еще нет.

Если бы лейтенант остался жив, то, вытаскивая его и БМП, девятая рота усеяла бы своими телами все подступы к селу. Но этим и была сильна русская армия. Все знали, что тебя в беде не бросят и к отбивающимся от моджахедов пограничникам в Таджикистане в течение получаса на помощь перебрасывали десантников из Куляба, а потом двигали к границам такие силы, которые рассеивали моджахедов за несколько минут. Собственно, там-то и сложился костяк егерской команды.

Унять злобу трудно. Лучше не смотреть на разбитую БМП и не думать о ней. Но мысль эта сверлит голову, как червь, забравшийся в яблоко.

Боевики тоже попадались на такие нехитрые уловки, взрывались на заминированных трупах и... да мало ли чего можно выдумать...

Наконец приехали «чистильщики». Примерно сотня. Стали располагаться на постой. Вместо метл и лопат вооружены они были кто огнеметом, кто ручным пулеметом, и у всех на поясах висели милые побрякушки – обычные и световые гранаты, связки наручников, зазубренные длинные кинжалы для разделки мясных туш, пистолеты с еще не привернутыми глушителями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.